

281

T62

Толубев С.Т.

Киево - Выдубацький
монастирь

AP

33223

5323- 14.12.02

3178- 28/14 02

727 - 06.01.03

1187- 8.04.03

408 - 28-01.04

1950- 31.03.04

190. 10.01.06

281(09)
Г 62

С. М. Толубевъ.

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ

МОНАСТЫРЬ

(до-монгольское время).

33223

КС

10 33223

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР КІУ

КІЕВЪ.

Тип. Акц. Об-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“, Крещатикъ, № 40.

1913.

284(09) + 9(с21к)Г

Печатать дозволяется. 10 декабря 1913 г.

Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій.*

Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духов. Академіи“.

Кієво-Выдубицкій монастирь (до-монгольское время).

I.

Установившійся въ Византійской имперіи взглядъ на монашество и монастыри ко времени крещенія Руси. Усвоеніе этого взгляда нашими предками. Разногласіе источниковъ о времени появленія у насъ монастырей. Примиреніе этихъ разногласій историкомъ Голубинскимъ. Наше мнѣніе по данному вопросу.—Первое документальное извѣстіе о Выдубицкомъ монастырѣ (1070). Легенда о времени его основанія, занесенная въ хронику Софоновича. Сомнительная древность этой легенды. Восходящая ко времени Владиміра святаго древность Выдубицкаго монастыря, основывающаяся на другихъ данныхъ и соображеніяхъ.—Ктиторъ Выдубицкаго монастыря князь Всеволодъ Ярославичъ. Его характеристика. Уясненіе вопроса, что побудило Всеволода принять на себя означенное ктиторство. Сооруженіе симъ княземъ каменной церкви въ монастырѣ; время ея освященія; интерполяции въ лѣтописи относительно лицъ, участвовавшихъ при этомъ. Случайныя лѣтописныя замѣтки о Выдубицкомъ монастырѣ. Сооруженіе въ немъ каменной подбережной стѣны на средства князя Рюрика Ростиславича. Строитель стѣны Милопѣгъ. Торжество освященія стѣны и рѣчь, произнесенная при этомъ игуменомъ Моисеемъ.—Извѣстные игумены монастыря за рассматриваемое время: *Софроній, Лазарь, Сильвестръ, Адрианъ, Моисей и Михаилъ*.—Общіе выводы изъ сказаннаго о значеніи Выдубицкаго монастыря за рассматриваемое время (до-монгольскій періодъ).

Въ то время, когда Русь просвѣщаема была свѣтомъ христіанскаго ученія, монашество въ Греціи, откуда проникъ къ намъ этотъ свѣтъ, пользовалось высокимъ уваженіемъ, благодаря своему великому и славному прошлому. Попытки императоровъ-иконоборцевъ уничтожить монашескій институтъ привели къ обратному результату: монашество, выступившее въ качествѣ передового борца за иконопочитаніе и

запечатлѣвшее свою ревность къ православію тягчайшими страданіями, еще болѣе окрѣпло въ этой борьбѣ, и 19-е февраля 842 года—день торжества православія надъ ересями—былъ вмѣстѣ днемъ возвышенія монашества, днемъ возвращенія его къ прежней силѣ и славѣ.

Процвѣтанію монашества въ Греціи (въ смыслѣ его почета) содѣйствовали религіозность византійскаго общества и то обстоятельство, что главными руководителями сего общества въ дѣлахъ вѣры были преимущественно иноки, естественно выдвигавшіе при этомъ на первый планъ идеалы аскетическіе. Идеалы эти были чрезвычайно высоки по трудности ихъ выполненія: произвольная нищета, безбрачное дѣвство, затѣмъ—умерщвленіе плоти посредствомъ поста и усовершенствованіе духа посредствомъ молитвы устной и умной; словомъ—отреченіе отъ всего, еже въ мірѣ, и жизнь исключительно для Бога.

Вслѣдствіе этого монашеское житіе, наименованное ангельскимъ, почиталось наиболѣе надежнымъ путемъ въ царство небесное и въ глазахъ народа окружено было ореоломъ святости. Постриженіе въ монашество считалось однимъ изъ таинствъ, установленныхъ по преданію апостольскому, и его дѣйствіе на человѣка приравнивалось къ спасительной силѣ таинства крещенія. „О монашествѣ, какъ пути къ царству небесному,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей о состояніи монашества въ Византійской церкви за разсматриваемое время,—греки были столь высокаго мнѣнія, что сложился обычай принимать постриженіе подѣ старость или передъ смертію, лишь бы предстать на судъ Христа, Царя всѣхъ, въ ангельскомъ чинѣ. Монашество почиталось непрерывною борьбою за благочестіе, тяжкимъ подвигомъ жизни за Христа, пострадавшаго за родъ человѣческой, жертвою Богу. Въ виду этого нѣкоторые родители, по примѣру ветхозавѣтныхъ праведниковъ и прославившихся святостію лицъ новозавѣтной церкви, обрекали своихъ дѣтей на мона-

шество при самомъ ихъ рожденіи и даже до рожденія. Обычай же постриженія въ старости и предъ смертію сдѣлался идеаломъ всѣхъ классовъ общества, особенно высшаго и при дворѣ. Рѣдкіе изъ царствовавшихъ лицъ разсматриваемой эпохи, умершихъ естественною смертію, отходили въ вѣчность, не принявъ предъ смертію постриженія. Но, кажется, не будетъ преувеличеніемъ сказать тоже самое и о всякомъ другомъ членѣ тогдашняго византійскаго общества ¹⁾“.

Послѣдствіемъ такихъ взглядовъ на монашество было чрезвычайное умноженіе монастырей въ указанное время. Они разсѣяны были по всему пространству Византійской имперіи, а нѣкоторыя мѣстности въ ней (напр. Фессалоника) представляли собою какъ бы сплошной монастырь. Такое чрезмѣрное размноженіе монастырей (мужскихъ и женскихъ), „превосходившее всякую потребность и мѣру“, притомъ зачастую сопровождавшееся явленіями крайне нежелательными (многіе строили монастыри по тщеславію, „дабы самоуспокоиться суетнымъ титуломъ основателя“; нѣкоторые основывали ихъ изъ-за житейскихъ расчетовъ, изъ-за каковыхъ расчетовъ многіе принимали и самое монашество) обращало на себя вниманіе какъ духовной, такъ и свѣтской властей: и та и другая принимали рядъ мѣръ къ ограниченію злоупотребленій при основаніи монастырей и поступленіи въ монашество. Но всѣ эти мѣры не достигали цѣли. Настроения и соблазны въ монастыряхъ достаточно были извѣстны тогдашнему обществу; но ему извѣстны были и цѣлыя сонмы подвижниковъ-иноковъ, „подобно звѣздамъ сіяющихъ на ясномъ небѣ“. *Праведниками міръ стоитъ.* За добродѣтели однихъ, какъ бы игнорировались прегрѣшенія другихъ. У аскетически настроеннаго общества сложилось даже мнѣніе, будто одинъ

¹⁾ Состояніе монашества въ Византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842—1204). Ив. Соколова. Казань, 1894 г., стр. 35, гдѣ указаны и источники.

истинный монахъ можетъ избавить отъ наказанія въ будущей жизни полтораста грѣшныхъ!...

Стремленіе къ сооруженію монастырей въ разсматриваемый періодъ охватило всѣ слои византійскаго общества: монастыри основывали и благоуукрашали не только стремившіеся къ иноческимъ подвигамъ (предназначавшіе себя къ подвижничеству) или принадлежавшіе къ средѣ монашеской—патріархъ, епископы; но—и притомъ гораздо чаще—міряне: во первыхъ, императоры и лица царствующаго дома, затѣмъ вельможи и вообще люди, располагавшіе матеріальными средствами. Со стороны мірянъ одною изъ побудительныхъ причинъ къ устроенію монастырей было желаніе быть погребенными въ монастырѣ, и—по возможности, — въ монастырѣ собственномъ, на свои средства сооруженномъ. Нѣкоторые монастыри спеціально съ этою цѣлію и основывались, и такихъ монастырей было множество. „Почти каждый богатый византіецъ,—говоритъ упомянутый изслѣдователь о византійскомъ монашествѣ,—имѣлъ свой монастырь, въ которомъ его по смерти погребали и поминали“¹⁾.

Русская церковь была дочерью церкви Византійской. Христіанскій строй жизни послѣдней долженствовалъ быть образцомъ для первой. Правда, новыя христіанскія воззрѣнія и церковные порядки (какъ они сложились къ тому времени въ Греціи) не могли сразу и безъ измѣненій, обусловивавшихся индивидуальными особенностями русскаго народа, быть восприняты новопросвѣщенной страной. Это по преимуществу должно сказать о массѣ народной, дѣвственное, языческое міросозерцаніе которой не могло исчезнуть по мановенію жезла, а затѣмъ, постепенно исчезая, естествен-

¹⁾ Состояніе монашества въ Византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка. Ив. Соколова, стр. 37.

но оставляло нѣкоторые слѣды, примѣшивавшіеся къ новымъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Отсюда очень долгое время замѣчается въ массахъ народныхъ какъ бы нѣкоторое двоевѣріе. Но что касается до господствовавшихъ въ Греціи воззрѣній на монашество, то они привились на Руси скоро и не потерпѣвъ существенныхъ измѣненій; можно сказать, привились *всецѣло*. Мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ не то, что русское общество, подобно византійскому, увлеклось устроеніемъ обителей: по разнымъ обстоятельствамъ (новизнѣ дѣла, политическимъ неурядицамъ, что касается каменныхъ сооружений,—ихъ дороговизнѣ) обителей у насъ на первыхъ порахъ (въ до-монгольскій періодъ) построено было сравнительно немного, да и въ послѣдующія времена мы въ данномъ случаѣ не переступали черты благоразумія. Говоря о быстромъ усвоеніи нашими предками господствовавшихъ въ Византіи воззрѣній на монашество, мы разумѣемъ то высокое уваженіе, какимъ оно начало у насъ пользоваться и по тѣмъ же самымъ мотивамъ, какъ и въ Греціи. Подобно византійцамъ нашими предками усвоенъ былъ взглядъ на монашество, какъ на вѣрнѣйшій путь въ царство небесное, а на монашескую мантию, какъ на болѣе надежное средство избавленія отъ грѣховъ. Отсюда—тоже уваженіе къ иноческому званію; тоже стремленіе, въ размѣрахъ доступныхъ, къ устроенію и благоукрашенію обителей и желаніе быть въ нихъ погребенными.

Скорому усвоенію нашими предками господствовавшего въ Византіи взгляда о высокомъ значеніи монашества содѣйствовали многія обстоятельства. Во-первыхъ, уже то, что первыми и главными руководителями новопросвѣщенныхъ въ дѣлахъ вѣры были лица, принадлежавшія къ средѣ монашеской (митрополитъ, епископы, іеромонахи), естественно склонные проводить усвоенные ими аскетическіе взгляды на жизнь (если не всегда словомъ, то личнымъ примѣромъ и отношеніями къ иночествующимъ); затѣмъ—литература, которая и

у болгаръ, откуда прежде всего мы заимствовали на славянскомъ языкѣ книги, и у грековъ (переводы произведеній которыхъ начали появляться у насъ съ принятіемъ христіанства) была преимущественно свято-отеческая и аскетическая. Наконецъ—и это главное—вскорѣ послѣ появленія у насъ монашества во главѣ его явились лица исключительныя по натурѣ, въ полномъ значеніи слова „высокоизбранные сосуды Божіи“, которыя, усвоивъ святоотеческій идеалъ монашества, успѣшно осуществляли его въ Кіево-Печерской обители, устроявшейся ими „слезами и пощеніемъ“. Святая жизнь этихъ истинныхъ подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ—преподобныхъ Антонія и Θεодосія Кіево-Печерскихъ,—подобная жизнь и подвиги цѣлаго сонма ихъ послѣдователей, прославленныхъ отъ Бога нетлѣніемъ и многочисленными чудесами,—упрочили за монашескимъ институтомъ то высокое уваженіе, то благоговѣйное отношеніе къ нему русскаго народа, которыя остаются непоколебимыми и доселѣ, несмотря на очень нерѣдкія уклоненія монашествующихъ (и прежнихъ и теперешнихъ) отъ аскетическихъ идеаловъ. Повторяемъ сказанное прежде: *міръ стоитъ праведниками.*

О времени появленія у насъ монастырей въ источникахъ имѣются свѣдѣнія краткія и недостаточно опредѣленныя, даже—повидимому—одни другимъ противорѣчащія. Митрополитъ Иларіонъ въ извѣстномъ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати“, изображая картину водворенія христіанства на Руси при *Владиміръ св.*, между прочимъ, говоритъ, что въ это время „и монастыреве на горахъ стаху“. Между тѣмъ лѣтописецъ, сообщивъ подъ 1037-мъ годомъ о сооруженіи великимъ княземъ Ярославомъ двухъ церквей—Св. Софіи и Благовѣщенія пресв. Богородицы (на Золотыхъ воротахъ) и двухъ монастырей—Георгіевскаго и Ирининскаго,—продолжаетъ: „И при семь (при Ярославѣ) нача вѣра крестьянская плодитися в Руси и раширятися, и черноризци нача множитися, и мана-

стырве почаху быти“. Такимъ образомъ оба указанные источника согласно свидѣтельствуютъ о появленіи у насъ *монашества* при Владимірѣ; но первый изъ нихъ (Иларіонъ) относитъ къ этому же времени и *построеніе монастырей*; а второй (лѣтописецъ) приурочиваетъ *появленіе ихъ только къ времени княженія Ярослава великаго*.

Извѣстный нашъ историкъ Е. Е. Голубинскій примиряетъ это противорѣчіе между означенными источниками слѣдующимъ образомъ: „Въ древности у насъ кромѣ монастырей, *въ собственномъ смыслѣ слова*, какъ учрежденій особыхъ и самостоятельныхъ, устроенныхъ болѣе или менѣе соотвѣтственно съ своею цѣлію и болѣе или менѣе достаточно для этой послѣдней,—были еще монастыри, представлявшіе собою какъ бы зачаточную форму, корпоративной иноческой жизни, монастыри—по выраженію церковнаго историка—*несобственные, ефемерные*. „Нѣсколько человекъ—говоритъ Е. Е. Голубинскій, желавшихъ монашествовать, соединились въ одно общество, ставили гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ кельи себѣ,—каждый для себя,—и эта монашеская слободка или монашескій скитокъ безъ всего дальнѣйшаго и представлялъ изъ себя или составлялъ собою монастырь“. Такъ какъ монахи имѣли нужду въ храмахъ и такъ какъ они представляли собою своего рода нищую братію, жили подаваніями отъ мірянъ, которыя удобнѣе было получать при храмахъ, то—по мнѣнію нашего историка—помянутыя слободки обыкновенно или наибольшую частію ставились *при приходскихъ церквахъ въ ихъ оградахъ*.“

Исходнымъ пунктомъ для разсужденій почтеннаго ученаго по данному вопросу послужило соображеніе, что для настоящихъ монастырей, сооруженныхъ (по лѣтописцу) впервые Ярославомъ I, нужны были „готовыя монахи“, которые до того времени должны были гдѣ нибудь жить. А для оправданія того мнѣнія, что они жили именно при приходскихъ церквахъ, устроая себѣ въ ихъ оградахъ кельи, онъ прибѣ-

гаеть къ своимъ излюбленнымъ приѣмамъ—*аналогіи и обратнымъ заключеніямъ отъ позднѣйшаго времени.*

Разсужденія автора таковы.

Въ Греціи, откуда нами заимствованы учрежденія церкви, при приходскихъ храмахъ жили иногда монашествующіе въ своихъ собственныхъ кельяхъ, слѣдовательно, этотъ обычай могъ („бывъ заимствованъ“) перейти и къ намъ, тѣмъ болѣе, что, при появленіи желающихъ монашествовать и отсутствіи монастырей настоящихъ, онъ какъ бы вызывался самими обстоятельствами. Далѣе. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, что въ XVI столѣтіи при нѣкоторыхъ храмахъ (на церковныхъ погостахъ) устраивались „чернцами“ келіи, въ которыхъ они жили, образуя какъ бы небольшіе скитки. Когда возникъ у насъ этотъ обычай? Имѣя въ виду, что „учрежденія существуютъ въ обществахъ не такимъ образомъ, чтобы каждый день мѣнять свой духъ и характеръ и внѣшній строй“, и что „если въ обществахъ не случается идущихъ отъ частной инициативы внезапно-насильственныхъ переворотовъ, переустройствающихъ ихъ жизнь, то учрежденія столько же устойчиво сохраняютъ существо своего духа и характера, а въ общемъ и внѣшняго строя, сколько устойчиво сохраняетъ себя самая жизнь“,—имѣя въ виду это,—Е. Е. Голубинскій полагаетъ, что подобныя скитки берутъ у насъ свое начало отъ древнѣйшихъ временъ, что они то именно и представляли собою *первичную форму* монастырей на Руси и съ нихъ именно у насъ и началось монашество. „Тогда—говоритъ почтенный историкъ—Иларіона, который относитъ появленіе монастырей ко времени Владиміра, должно понимать такъ, что онъ разумѣетъ монастыри несобственные, а лѣтописца, который относитъ ихъ появленіе ко времени Ярослава такъ, что онъ разумѣетъ монастыри собственные“.

Мы не будемъ здѣсь говорить о томъ, что, при отсутствіи данныхъ, восполненіе ихъ посредствомъ аналогій и обратныхъ заключеній отъ позднѣйшаго времени, путь доволь-

но скользкій (что почтенному автору критикою и было указываемо), — не будемъ говорить объ этомъ потому, что возможности пребыванія монаховъ при приходскихъ церквахъ въ указываемое время не отрицаемъ. Но мы думаемъ, что наличность этого факта отнюдь не исключаетъ существованія въ то же время монастырей и отдѣльныхъ, — *монастырей въ собственномъ смыслѣ, настоящихъ*, какъ выражается нашъ историкъ. Существованіе послѣднихъ, независимо отъ прямого свидѣтельства о томъ *современника или почти современника*, имѣетъ за себя очень вѣскія соображенія; что же касается до противорѣчія между Иларіономъ и лѣтописцемъ, то ему можетъ быть дано объясненіе иное, чѣмъ какое представляется означеннымъ ученымъ.

Войдемъ по этому вопросу въ нѣкоторыя детали, причѣмъ по мѣстамъ будемъ пользоваться книгою самого Е. Е. Голубинскаго.

Почтенный ученый раннее появленіе у насъ монашества мотивируетъ нижеслѣдующими соображеніями.

„Большинство народа — говоритъ онъ — при своемъ крещеніи приняло христіанство только внѣшнимъ и формальнымъ образомъ, безъ всякой перемѣны внутренней, такъ что первое время представляло изъ себя христіанъ болѣе по имени, чѣмъ сколько нибудь на дѣлѣ. Но вмѣстѣ съ большинствомъ *долженствовало быть меньшинство, которое, напротивъ, приняло христіанство совершенно сознательнымъ и искреннимъ образомъ, со всѣмъ убѣжденіемъ и со всѣмъ сердцемъ.* Это необходимо предполагаемое меньшинство долженствовало быть тѣмъ болѣе ревностнымъ къ христіанству, чѣмъ оно было новѣе и, такъ сказать, свѣжѣе въ немъ, потому что первое познаніе истины всегда есть время наибольшей къ ней горячности. Такъ это было вездѣ, такъ этому быть должно; слѣдовательно — необходимо думать, что такъ было это и у насъ. Изъ сего, очевидно, слѣдуетъ то, что появленіе людей, одушевленныхъ желаніемъ посвятить себя исключительно дѣлу спасенія своей

души, въ чемъ состоитъ монашество, *должно быть относимо къ самому первому времени*, что это появленіе необходимо заставляеть предполагать себя, какъ естественное выраженіе первой горячности къ новопринятому христіанству, что безъ него нужно будетъ представлять первое наше христіанство неестественно и, такъ сказать, не фізіологически“.

Разумѣется, все сказанное вполне справедливо. Поэтому можетъ быть признано правдоподобнымъ предположеніе Е. Е. Голубинскаго даже о томъ, что монашество (къ которому, по его словамъ, была рѣшительная склонность съ самаго проникновенія къ намъ христіанства) появилось у насъ еще до Владиміра, такъ какъ общему крещенію русскаго народа при семъ князѣ предшествовалъ длинный, по крайней мѣрѣ, пятидесятилѣтній періодъ существованія христіанства въ Кіевѣ, „какъ вѣры частной, о бока и рядомъ съ господствующимъ язычествомъ“ 1).

Но если дѣло обстоитъ такъ, то можно ли допустить, что лица, „одушевленные желаніемъ посвятить себя исключительно дѣлу спасенія своей души“, избрали для сей цѣли самую наихудшую (неподходящую) форму иноческой жизни, ибо такую форму представляли и представляютъ монастыри несобственные, монастырскія слободки, съ чѣмъ вполне согласенъ самъ Е. Е. Голубинскій и что онъ прекрасно развиваетъ, считая означенныя учрежденія наивысшимъ злоупотребленіемъ въ монашествѣ? 2)

1) Исторія Рус. Церкви т. I, первая половина, изд. 2, стр. 63. Хорошо аргументированное мнѣніе Е. Е. Голубинскаго о христіанствѣ на Руси до Владиміра сводится къ слѣдующимъ положеніямъ: „Къ княженію Владиміра христіанство не было въ Россіи какою нибудь вѣрою совѣмъ невѣдомою, а напротивъ было вѣрою очень хорошо извѣстною; христіане находились въ Кіевѣ въ продолженіе болѣе полустолѣтія, имѣя церкви и священниковъ, и жили не какъ нибудь скрытно, а совершенно открыто, въ видѣ особой дозволяемой и терпимой правительствомъ, инвѣрной общины“. (Ibid. стр. 94).

2) Пространныя рѣчи объ этомъ см. въ Исторіи Рус. Церкви т. I, вторая половина, изд. I, стр. 500 и слѣд.

Не отрицая, что такіа злоупотребленія имѣли мѣсто уже и въ начальный періодъ христіанства у насъ, мы однако не можемъ допустить, чтобы на ряду съ этими злоупотребленіями—„эфемерною“ формою иноческой жизни— не было положено основанія и настоящему монашеству—монастырямъ въ собственномъ смыслѣ слова, тѣмъ болѣе, что устройство такихъ монастырей въ скромныхъ размѣрахъ, изъ матеріала общедоступнаго, не представляло большихъ затрудненій. „Постройка деревянныхъ церквей — говоритъ нашъ историкъ—при тогдашнемъ многолѣсіи *ровно ничею не стоила*“... Во всякомъ случаѣ—поправимъ мы—стоила мало. Тоже должно сказать и о постройкѣ келій. Разумѣется, сравнительно большихъ средствъ требовало обзаведеніе церковными принадлежностями и утварью. Но, во 1-хъ, нельзя думать, что всѣ вступавшіе въ монашество были люди совершенно неимущіе (безъ сомнѣнія, между ними были лица, обладавшія тѣми или иными средствами, которыя и могли быть употребляемы на монастырскія нужды); а во 2-хъ, при томъ высококомъ уваженіи къ монашествующимъ, о которомъ сказано нами выше, безъ сомнѣнія, не было недостатка и въ благотвореніяхъ со стороны. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, самыя потребности въ церковныхъ принадлежностяхъ могли быть сокращаемы до *minimum'a*.

Допустить широкое распространеніе монашества, но исключительно (до княженія Ярослава) сосредоточивая его въ монастыряхъ эфемерныхъ, представлявшихъ собою самую несовершенную форму иноческой жизни (отступленіе отъ иноческихъ идеаловъ), и говорить, что туда поступали и люди, единственно заботившіеся о спасеніи своей души, *истинные монахи*,—это значитъ совмѣщать нѣчто очень трудно совмѣстимое. Истинные монахи не могли жить въ такихъ монастыряхъ. А такъ какъ необходимо думать, что такіе монахи были у насъ еще при Владимірѣ, то неизбежно слѣдуетъ допустить и существованіе въ данное

время монастырей въ собственномъ смыслѣ, *монастырей настоящихъ*.

Обращаемся къ указаннымъ противорѣчіямъ между митр. Иларіономъ и лѣтописцемъ по вопросу о времени появленія у насъ монастырей.

Иларіонъ былъ современникъ великаго князя Ярослава, а по начальнымъ годамъ своей жизни, какъ весьма естественно предполагать, современникъ и самому князю Владиміру. Слѣдовательно, свидѣтельство его имѣеть для насъ всю силу авторитета, тѣмъ болѣе, что слово его „О законѣ и благодати“, во всѣхъ частяхъ строго обдуманное, предназначалось для публичнаго произнесенія предъ избранною публикою, въ числѣ которой должны были находиться люди хорошо освѣдомленные съ трактуемыми въ немъ предметами (и, слѣдовательно, привнесеніе въ слово свѣдѣній завѣдомо невѣрныхъ всего менѣе допустимо).

Что касается до лѣтописца (о которомъ подробнѣе скажемъ ниже), то къ концу княженія Ярослава можетъ быть относимо только его рожденіе и—слѣдовательно—его рѣчи о временахъ Владиміра и даже Ярослава суть рѣчи не очевидца, но основанныя на тѣхъ или иныхъ посредствующихъ данныхъ (письменныхъ или устныхъ), а иногда и на вытекающихъ изъ сихъ послѣднихъ соображеніяхъ.

Каковы рѣчи лѣтописца по затронутому нами вопросу? Рѣчи эти, какъ было упомянуто, помѣщены въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 1037-мъ годомъ въ связи съ разсказомъ лѣтописца о построеніи Ярославомъ нѣсколькихъ церквей и монастырей и составляютъ—замѣтимъ и подчеркнемъ—*часть общей характеристики и оцѣнки дѣятельности этого князя*. Отступивъ отъ обычной, погодной записи событій, лѣтописецъ подъ означеннымъ годомъ группируетъ наиболѣе важныя заслуги Ярослава преимущественно для христіанства (постройка церквей и монастырей, заботы о просвѣщеніи) и выясняетъ ихъ значеніе. Упомянутіе о сооруже-

ниі церквей и монастырей и даєть ему поводъ сказать приведенныя нами слова: „И при семь (Ярославѣ) нача вѣра крестьянская плодитися въ Руси и раширятися, и черно-риаци поча множитися, и монастыреве почаху быти“.

Мы не будемъ говорить, что означенныя слова въ устахъ лѣтописца (собственно его мнѣніе о времени появленія у насъ монастырей) могутъ, быть толкуемы въ смыслѣ фразы, какъ бы напрашивавшейся конструкціею рѣчи. Но принимаемыя и въ ихъ точномъ, буквальномъ смыслѣ, они (какъ не соотвѣтствующія, по нашему мнѣнію, дѣйствительности) не представляютъ особенной трудности при объясненіи ихъ ошибочности.

Такихъ объясненій можетъ быть два.

Первое—*неосвѣдомленность по данному вопросу лѣтописца.*

Не будучи современникомъ Ярослава—не говоримъ уже о Владимірѣ,—онъ свѣдѣнія о дѣятельности этихъ князей и событіяхъ при нихъ могъ заимствовать, какъ мы замѣтили, изъ письменныхъ или устныхъ источниковъ. Но въ первыхъ (поколикъ разумѣются лѣтописныя замѣтки) обыкновенно отмѣчались, и то не всегда, факты наиболѣе крупныя, и потому въ нихъ по интересующему насъ вопросу составитель лѣтописнаго свода могъ встрѣтить свѣдѣнія о сооруженіи церквей и монастырей *только каменныхъ* (да и то не всѣхъ); а такъ какъ самыя раннія свѣдѣнія о постройкѣ таковыхъ монастырей могли быть найдены имъ только за время княженія Ярослава, то къ этому времени онъ и приурочилъ появленіе у насъ монастырей. Правда, кромѣ краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ было во время составленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ одно сочиненіе общаго характера—упомянутое слово „О законѣ и благодати“ митр. Иларіона, гдѣ сообщается свѣдѣніе о появленіи у насъ монастырей еще при Владимірѣ; но оно—какъ это научно констатировано—осталось лѣтописцу неизвѣстнымъ.

Что касается до устныхъ сообщеній, то о нихъ слѣдуетъ замѣтить тоже самое: они вращались въ сферѣ фактовъ видныхъ, бросающихся въ глаза (по отношенію къ нашему вопросу—касались свѣдѣній о сооруженіяхъ большихъ и цѣнныхъ). Спустя полустолѣтіе, какія могли быть свѣдѣнія о монастыряхъ малыхъ, появлявшихся безъ помпы, незамѣтно, вѣроятно незамѣтно и исчезавшихъ (сливавшихся съ монастырями большими при ихъ появленіи)?

Второе объясненіе, имѣющее въ виду предположеніе, что лѣтописцу, несмотря на сказанное выше, все-таки могло быть извѣстнымъ существованіе при Владимірѣ монастырей и незначительныхъ, но только онъ о нихъ не счелъ нужнымъ упомянуть, какъ бы игнорируетъ ихъ,—возможно однородное по мотивамъ и значимости съ объясненіемъ Е. Е. Голубинскаго по отношенію къ монашескимъ слободамъ: монастыри, сооруженные Ярославомъ, какъ представлявшіе для своего времени нѣчто грандіозное, заслонили собою въ глазахъ лѣтописца монастыри малые, бѣдные, зачастую сливавшіеся со вновь сооруженными, что и дало ему основаніе сказать упомянутую фразу: „При семь (Ярославѣ).... и монастыреве почаху быти“. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что означенная фраза сказана лѣтописцемъ при общей характеристикѣ заслугъ Ярослава, имѣющей до нѣкоторой степени характеръ панегирической, гдѣ, при работавшей подъ извѣстнымъ направленіемъ мысли, лѣтописцемъ легко могли быть допущены и обмолвки, каковыя обмолвки и вообще неточности случаются иногда и у настоящихъ, притомъ опытныхъ и дорожащихъ каждою фразою историковъ ¹⁾.

¹⁾ А чтобы не ходить за примѣрами далеко, укажемъ на самого Е. Е. Голубинскаго. Въ предисловіи къ своей Исторіи Русской Церкви онъ говоритъ: „Была или не была въ лѣтописи записъ о крещеніи Владиміра, т. е. въ настоящее время читаемая въ лѣтописи повѣсть о крещеніи, составляющая въ ней позднѣйшую вставку, была ли поставлена въ ней на мѣстѣ прежде стоявшей въ ней записи или на мѣстѣ чистомъ,

А если мы къ сказанному добавимъ (и добавку подчеркнемъ), что означенная фраза *могла быть навъяна* (а это очень вѣроятно) *хроникою Амртола, съ которою лѣтописецъ хорошо былъ знакомъ* и изъ нея многое заимствовалъ,—то рассматриваемый нами вопросъ получить и совѣмъ ясное освѣщеніе,—для *нагляднаго* уясненія чего считаемъ весьма умѣстнымъ сдѣлать слѣдующія выдержки (сопоставленія) изъ Хроники (въ древне-славянскомъ ея переводѣ) и Повѣсти временныхъ лѣтъ (первоначальной Лѣтописи).

Хроника Григорія Амртола.

„По Львѣ же царствова
Константинъ сынъ его, при
немже благочестія учение
приеть начало дрѣзати и сло-
во Божіе простиратеса, *и*
монастыресе съ вѣщемъ про-
странствомъ съзидатеса.

Повѣсть временныхъ лѣтъ.

„При семь (Ярославѣ) на-
ча вѣра крестьянская плоди-
тися в Руси и раширатися, *и*
черноризци поча множитися,
и монастыресе почалу быти“.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе все сказанное, мы съ рѣшительностію полагаемъ, что свидѣтельству митрополита Иларіона о появленіи у насъ монастырей еще при Владимірѣ св. должно дать полную вѣру.

За это говорятъ: долговременный, болѣе чѣмъ пятидесятилѣтній періодъ существованія у насъ христіанства еще до Владиміра; крещеніе сего послѣдняго, а съ нимъ и народа (объявленіе христіанской религіи господствующею) во время наивысшаго процвѣтанія монашества въ Греціи; главное руководство новопросвѣщенными лицами, вышедшими изъ

на которомъ прежде ничего не было, *это составляетъ вопросъ* (изд. 2-е, 1901 г., т. 1, первая половина, стр. XI, гдѣ авторъ говоритъ о крайней скудости въ лѣтописи церковно-историческихъ событій).—А въ другомъ мѣстѣ (ibid. стр. 786), гдѣ рѣчь идетъ о дополненіи лѣтописи позднѣйшими вставками, онъ заявляетъ, что прискорбнѣйшая изъ такихъ вставокъ *есть вставка повѣсти о крещеніи Владиміра на мѣсто тѣхъ извѣстій, которыя читались о немъ у лѣтописца“.*

среды монашеской и, слѣдовательно, склонными проводить въ жизнь идеалы иноческіе; развившаяся вслѣдствіе этого склонность къ монашеству, и наконецъ невозможность предположенія, чтобы искренно стремившіеся къ нему избрали для сей цѣли наихудшую форму иноческой жизни (монашескія слободки при церквахъ).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, вызывавшихся сущностію дѣла, обращаемся къ главному предмету нашего изслѣдованія—исторіи Выдубицкаго монастыря.

Первое достовѣрное извѣстіе о Выдубицкомъ монастырѣ относится къ 1070-му году. Въ этомъ году, по свидѣтельству лѣтописца, „заложена бысть церкви святаго Михаила, въ монастырѣ Всеволожи“¹⁾. Что церковь заложена была въ монастырѣ уже существовавшемъ—объ этомъ ясно свидѣлствуетъ прямая рѣчь лѣтописца. Но такъ какъ самый монастырь называется Всеволожимъ, т. е. находящимся подъ ктиторствомъ (патронатствомъ) князя Всеволода, то является вопросъ, какъ понимать означенное ктиторство: въ томъ-ли смыслѣ, что Всеволодъ былъ основателемъ монастыря, или въ томъ, что онъ былъ его выдающимся благотворителемъ (обновителемъ, фундаторомъ), ибо и то и другое пониманіе допустимы, что можно иллюстрировать примѣрами изъ исторіи религіозно-просвѣтительныхъ учрежденій какъ церкви греческой, такъ и нашей.

Мы полагаемъ, что слѣдуетъ означенное ктиторство понимать въ смыслѣ второмъ, т. е., что князь Всеволодъ былъ только обновителемъ Выдубицкой обители, основаніе

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. третье Археогр. Комиссіи, 1897, стр. 164. Въ лѣтописи по Ипатскому списку къ словамъ: „въ монастырѣ Всеволожи“ прибавлено: *на Выдобычи*.

которой по нѣкоторымъ даннымъ и соображеніямъ должно быть относимо къ древности болѣе глубокой.

Займемся выясненіемъ этого вопроса.

Въ хроникѣ игумена Кіево-Михайловскаго Златоверхаго монастыря Феодосія Софоновича, составленной во второй половинѣ XVII столѣтія, въ книгѣ 1-й, главѣ 10, подъ заглавіемъ: „О знищено божницъ въ Кіевѣ отъ Владимира, о крещеніи рускомъ, о постановленію церквей, о побожности на войнахъ“,—сообщается, между прочимъ, преданіе объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ сооруженіе монастырей Михайловскаго Златоверхаго и Михайловскаго Выдубицкаго. Сказавъ о низверженіи, по приказанію Владимира, идоловъ въ Кіевѣ,—авторъ продолжаетъ: „Повесть тежъ есть старихъ тая, же гды одного балвана волокли зъ горы утопити въ Дѣвѣрѣ и били по череву, бѣсъ въ немъ кричалъ ляментуючи. Оттолъ тую зъ горы дорогу нижше монастыря Михайловскаго назвали здавна Чортово беремище, то есть, тяжкость чорту, бо слово словенскоебремя значигъ тяжкость; и гды того балвана утопили, плинулъ внизъ, а невѣрніи, идучи берегомъ, плакали и звали, мовячи: „Выдыбай, нашъ Господару, Боже, выдыбай“, то есть, выплыви. А той болванъ выдыбалъ албо выплылъ ажъ тамъ на берегъ, где теперъ монастырь Выдубицкій; и названо тое мѣстце тымъ урочищемъ отъ выдубаня Выдыбичи албо Выдубичи. Але и тамъ, гды невѣрныи взяти хотѣли того болвана, вѣрныи пробивши, и каменъ привязавши, утопили. И для того, повѣдають, первый при Владимирѣ митрополитъ Михайль, посадивши черницевъ на горѣ, не далеко отъ того беремища Чортова, на свое имя церковь святого Михаила здубовалъ, ижъ якъ зъ неба святой Михайль чорта зкинулъ, такъ тутъ онъ же помогъ зъ горы чорта въ болванѣ збивати. А въ Выдубичахъ церковь чуда святого Михаила здубавано также при Владимирѣ, для того, ижъ якъ въ Хонехъ святой Михайль чудо учинилъ,

рѣки невѣрныхъ погрузивши, такъ тутъ выдубалого albo выплыненого въ болванѣ чорта помогль въ водахъ потопити“ 1)...

1) Хроника Софоновича. Рукоп. Импер. Публичной Библиотеки IV. 215, стр. л. 30.—Отсюда означенное преданіе заимствовано (съ измѣненіемъ въ слогѣ) въ третье изданіе Синописа, вышедшее въ свѣтъ въ 1680 году. Очевидно, это обстоятельство и послужило основаніемъ установившемуся мнѣнію, что Синописъ есть ничто иное, какъ сокращеніе Хроники Софоновича, а проф. Н. И. Петровъ послѣдняго считаетъ даже авторомъ и Синописа, т. е. лицомъ, сократившимъ свою Хронику. (Историко-топографич. очерки древняго Кіева.—Кіевъ, 1897 г., стр. 101) Но все это плоды недоразумѣній и домысловъ. Между хроникою Софоновича и Синописомъ нѣтъ той связи, какая обычно устанавливается.

Дѣло по данному вопросу обстоитъ такъ. „Синописъ или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ о началѣ Славяно-Россійскаго народа“ и проч... впервые изданъ былъ въ Кіево-Печерской типографіи въ 1674 году (in 4, 1—121 стран., кромѣ заглавн. листа), а вторично тамъ же въ 1678 г. (in 4, 127 стр.). Оба изданія почти совершенно сходны между собою, кромѣ незначительныхъ дополненій во второмъ (во второмъ излишки противъ перваго: „оглавленіе вещей“ на 4-хъ нумерованныхъ страницахъ и съ 122 страницы до конца краткія свѣдѣнія о событіяхъ въ царствованіе Θεодора Алексѣевича), и оба, кромѣ общности сюжета, *не имѣютъ никакого отношенія къ хроникѣ Софоновича.* Синописъ составлялся *вне зависимости отъ послѣдней.*

Что касается до третьяго изданія Синописа, вышедшаго тоже изъ Кіево-Печерской Лавры, какъ нами замѣчено, въ 1680 году (in 4, 149 листовъ), то оно имѣетъ большія отличія отъ прежнихъ двухъ: *листки значительно расширено и дополнено.* Къ числу этихъ дополненій относится и приведенное нами преданіе объ основаніи монастырей Выдубицкаго и Михайловскаго Златоверхаго, вставленное въ главу (на лл. 41—43) „О утвержденіи совершенномъ вѣры православныя въ Россіи и о искорененіи кумировъ“ и, очевидно, заимствованное изъ хроники Софоновича. Но этимъ, или почти этимъ, и ограничивается заимствованіе изъ послѣдней.

Еще нѣсколько словъ.

Академикъ А. И. Соболевскій въ своихъ Палеографич. снимкахъ съ рус. рукоп. XII—XVII вв. (Спб. 1901 г.) на табл. № XXXVII помѣстилъ снимокъ съ рукописи, находящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ подъ № F. IV. 247, заявивъ, что онъ сдѣланъ съ хронографа Софоновича. Но это недосмотръ или lapsus calami со стороны столь многосвѣдущаго ученаго. Означенная рукопись, принятая А. И. Соболевскимъ за хронику Софоновича, есть хронографъ южно-русскаго письма, неимѣющій ни малѣйшаго отношенія къ помянутой хроникѣ.

Хроника Софоновича имѣется въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ двухъ экземплярахъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, писавшіе о Выдубицкомъ монастырѣ, съ довѣріемъ относились къ приведенному преданію и вслѣдствіе этого основаніе означеннаго монастыря (а писавшіе о Златоверхомъ Михайловскомъ основаніе сего послѣдняго) приурочивали къ начальнымъ годамъ крещенія Руси (ко времени митрополита Михаила, долгое

Одинъ—изъ древнехранилища Погодина, въ 4 д. листа (№ по катал. 1476); другой—изъ бібліотеки графа Ѳ. А. Толстого въ листъ (по катал. F. IV. 215)—Первый писанъ скорописью великорусскою (съ замѣною, на верху строкъ или на поляхъ, словъ малороссійскихъ великорусскими, напр. казалъ=повелѣ и проч.); другой уставомъ, безъ сомнѣнія, въ Кіево-Печерской Лаврѣ.

Заглавіе Погодинскаго списка (кое-гдѣ полуистлѣвшее) слѣдующее:
Кроника

з лѣтописцовъ стародавнихъ, зъ святого Нестора Печерского и иншихъ, также зъ крон (икъ) полскихъ о Русіи. Отколь Русь почалася и о первыхъ князехъ рускихъ, и по нихъ далшихъ наступующихъ князехъ и (о ихъ) дѣлахъ, собраная працою иеромонаха Θεодосіа Софоновича, игумена монастыря Михайловскаго Златоверхова. Року отъ сотворенія свѣта ̅Ϛ̅Ϡ̅ (7180) и отъ Рождества Христова 4̅ϫ̅6̅ (1672 г.).—

Заглавіе Толстовскаго списка имѣеть то существенное отличіе отъ списка Погодинскаго, что въ немъ, во 1-хъ, опущено указаніе о составителѣ хроники: „працою иеромонаха Θεодосіа Софоновича“ и проч. и, во 2-хъ, выставлена другая дата: „собраная (Кроника) року отъ сотворенія свѣта ̅Ϛ̅Ϡ̅ (7190), а отъ Рождества Христова 4̅ϫ̅Ϡ̅ (1681 г.), мѣсяца октоврія“.

Послѣдній списокъ представляетъ особенный интересъ потому, что переписчикъ его, безъ сомнѣнія инокъ Кіево-Печерскаго монастыря, сдѣлалъ довольно значительныя вставки въ хронику Софоновича, касающіяся означенной обители. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ въ болѣе давнее время наши переписчики лѣтописей могли дѣлать и почему дѣлали тѣ или иныя дополненія, интерполяціи, и т. п.

Изъ крупныхъ вставокъ отмѣтимъ въ 1 книгѣ, главѣ 14, повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря и житіи преподобнаго отца нашего Антонія Печерскаго (см. л. л. 21 об.—27); въ главѣ 17 сказанія: а) „о основаніи церкви печерскія каменныя монастыря преподобныхъ отецъ Антонія и Θεодосія печерскихъ (л. л. 30 об.—35) и б) о преставленіи преп. Θεодосія печерскаго (л. л. 35—44); въ главѣ 18—о перенесеніи честныхъ мощей преподобнаго и богоноснаго отца нашего Θεодосія... и проч. (л. л. 47 об., 50). Всѣ эти вставки заимствованы изъ Патерика Печерскаго; но во 2-й книгѣ, главѣ 6, помѣщена, въ интересахъ Кіево-Печер-

время ошибочно считавшагося первымъ Кіевскимъ митрополитомъ). Но древность этого преданія очень сомнительна. Не выдыбаніе Перуна послужило поводомъ къ названію мѣстности, гдѣ впослѣдствіи возникла Выдубицкая обитель, Выдубичами, а скорѣе это названіе (о значеніи котораго скажемъ ниже) дало толчекъ къ созданію легенды о выдыбаніи идола и объясненію сооруженія въ данной мѣстности монастыря.

Устраняя означенную легенду изъ числа доказательствъ, подтверждающихъ глубокую древность Выдубицкаго монастыря, восходящую ко временамъ Владиміра,—мы опоры для такой древности находимъ въ другихъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ соображеніяхъ.

Прежде всего обращаемъ вниманіе на значеніе для разсматриваемаго времени урочища *Выдубичи*, какъ мѣстности, бывшей однимъ изъ главныхъ пунктовъ для сообщенія Кіева и его окрестностей съ лѣвобережною стороною Днѣпра.

Капризный Днѣпръ и его притоки неразъ мѣняли свои русла. Въ лѣтописи подъ 945-мъ годомъ, между прочимъ, читаемъ: „И послаше Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20, въ лодыи къ Ользѣ, и присташи подъ Боричевымъ в лодыи. *Бѣ бо тогда вода текущи въздоль горы Киевския и на подомы не съдяху лодыи но на горт*“¹⁾. Впослѣдствіи русло

ской Лавры, вставка, принадлежащая, повидимому, самому переписчику и составленная на основаніи подложныхъ документовъ, сфабрикованныхъ въ концѣ XVI столѣтія, и интерполяцій въ житіи преп. Теодосія.—Приводимъ начало вставки: „Року отъ сотворенія свѣта 6667 а отъ Рождества Христова 1159, по смерти отца своего великаго князя Гурия или Юрія Владиміровича Кіевского, благовѣрный князь Андрей Юріевичъ Боголюбскій, прежде крещенія, нарицашеся Китай, внукъ Владиміровъ Мономаховъ. Будучи онъ князь великій и вся Россійскія земли, по великимъ добродѣтелямъ своимъ къ церквамъ Вожимъ и монастырямъ и по заповѣди преставльшагося родителя своего, отдалъ въ святую великую Лавру Успенія Пресвятыя Богородицы Печерскія Кіевскую городъ свой Василевъ“ и проч.

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, изд. 3, стр. 54.—Нѣкоторые полагаютъ (Историко-топографич. очерки древняго Кіева, Н. И. Петрова, Кіевъ-

самого Дніпра отклонилось отъ Кіева (Подола) на довольно значительное разстояніе, а на мѣстѣ теперешняго Дніпра протекала довольно многоводная „Почайна“ ¹⁾. Текущею здѣсь мы видимъ ее даже на планѣ Кіева 1695 года. Тогда сливалась она съ Дніпромъ (приблизительно) около крещатицкаго памятника, а въ болѣе древнее время, можетъ быть, и ниже. И послѣ этого соединенія Дніпръ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, по мѣстамъ развѣтвлялся, образуя болѣе или менѣе обширные острова. Вслѣдствіе этого, а также очень низменнаго (озернаго и болотистаго) лѣвобережнаго Задніпровья противъ Кіева, прямое сообщеніе здѣсь было затруднительно и *главная переправа черезъ Дніпръ для мѣстностей, лежащихъ ниже Кіева*, въ древнее время сосредоточивалась въ довольно значительномъ отдаленіи отъ города, около урочища, получившаго названіе *Выдобици*, — названіе, какъ небезъосновательно полагають нѣкоторые, *усвоенное ему именно какъ перевозной пристани* ²⁾.

Первый выводъ изъ даннаго факта тотъ, что означенное урочище было мѣстностію оживленною, съ постояннымъ приливомъ и отливомъ людей, стремившихся въ Кіевъ или изъ Кіева, съ неизбѣжными остановками здѣсь, по временамъ, можетъ быть и довольно продолжительными, что дол-

189 г. стр. 104), что въ 945 году было большое половодье и потому жители Подола временно переселились на гору (Старый Кіевъ); иначе же нужно допустить большой геологической переворотъ, о чемъ свѣдѣній нѣтъ. Такое толкованіе есть домыселъ, находящійся въ явномъ противорѣчій съ прямымъ свидѣтельствомъ лѣтописца. Что же касается до перемѣны рѣками руселъ, то это дѣло обычное, не требующее геологическихъ переворотовъ и зачастую совершающееся въ теченіи одного года, примѣровъ чего можно привести множество. Что касается Дніпра, то В. И. Новгородцевъ въ своемъ „Географическомъ описаніи Кіева“, составленномъ около 1784 года, дѣлаетъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: „Теченіе рѣки Дніпра быстрое, и отъ того почти каждый годъ онымъ теченіемъ положеніе мѣста перемѣняется, дѣлая новые острова и косы“.

¹⁾ Плава Кіева 1695 года, изд. Кіев. Археогр. Коммисіи.

²⁾ Исторія русск. Церкви, Е. Е. Голубинскаго, изд. 1, т. I, 2 полов. стр. 257.

жно было вызвать устройство извѣстныхъ приспособленій, въ роцѣ постоянныхъ домовъ, развитіе мелочной торговли и т. п.

(Принимая во вниманіе, съ одной стороны, указанную оживленность урочища, а съ другой—чарующее мѣстоположеніе его около горъ, покрытыхъ въ то время, безъ сомнѣнія, дѣвственными лѣсами, зная притомъ, что наши предки язычники обожали какъ рѣки, такъ горы и лѣса, населяя ихъ разными мионическими существами, и потому устроивая здѣсь свои капища¹⁾),—весьма естественно предположить, что такое капище (идолъ или идолы) находилось и въ данной мѣстности. Тогда, послѣ крещенія Руси, съ этимъ требищемъ неизбѣжно должно было бы случиться то же, что случилось съ Перуномъ и другими окружавшими его идолами, и на мѣстѣ низверженнаго идола или идоловъ сооруженіе христіанской святыни являлось бы дѣломъ само собою подразумѣваемымъ.

Но если мы и устранимъ это весьма естественное предположеніе о существованіи на Выдобичахъ языческаго требища,—и тогда сооруженіе здѣсь христіанской святыни въ первые же годы по принятіи христіанства на Руси было дѣломъ, такъ сказать, *настойчиво напрашивавшимся на осуществленіе*.

Послѣ крещенія Руси тотчасъ же приступлено было къ постройкѣ церквей, что—независимо отъ прямого свидѣтельства лѣтописи—подразумѣвается само собою. Строились церкви на скорую руку, деревянные. Сооруженіе церквей каменныхъ, какъ дѣло въ то время очень сложное и дорогое, было роскошью, посильною только князьямъ и людямъ

¹⁾ Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Измаила Срезневскаго. Харьковъ, 1846 г. См. мѣста поклоненія водѣ (стр. 20—24) и святилище богослуженія горнаго и лѣснаго (стр. 29—35).

богатымъ, и къ нему приступлено было не сразу. Строились церкви на первыхъ порахъ преимущественно, если не исключительно, по городамъ, гдѣ сосредоточивалась и откуда исходила миссіонерская дѣятельность христіанскихъ просвѣтителей. А такъ какъ главнѣйшимъ средоточіемъ этой просвѣтительной дѣятельности былъ Кіевъ, гдѣ христіанство—какъ нами было упомянуто—существовало о бокъ съ языческою религіею задолго до принятія его Владиміромъ,—то здѣсь храмостроительство должно было принять наиболѣе широкіе размѣры. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. По свидѣтельству Никоновой лѣтописи, въ 1017 году, во время бывшаго въ Кіевѣ пожара, церковей здѣсь сгорѣло „яко до семи сотъ“; по сказанію Титмара Мерзебургскаго, относящемуся къ слѣдующему 1018 году, ихъ было въ означенномъ городѣ *больше четырехъ сотъ*¹⁾. Подъ 1124 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи по данному вопросу находится извѣстіе, отличающееся особенною точностію: „Бысть пожаръ великъ Кыевѣ городѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему, по два дни, по Подолью и по Горѣ, *яко церковей единьхъ изгорѣ*

¹⁾ Monumenta Poloniae historica. Wadał August Bielowsky t. I, Lwow, 1864, гдѣ хроника Титмара помѣщена на 231—319 стр. Извлеченіе изъ хроники, касающееся Кіева, см. въ Сборникѣ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ 1874 г. Отд. II, стр. 1—2.—Е. Е. Голубинскій (Исторія рус. Церкви т. I, 2 полов., изд. 1, стр. 4) означенное свидѣтельство Титмара относитъ къ 1019 году, но Титмаръ скончался въ 1018 году; послѣднія двѣ главы его хроники, гдѣ находятся рѣчи о Кіевѣ, дописаны имъ за двѣ недѣли до смерти. Е. Е. Голубинскій считаетъ свидѣтельство Никоновой лѣтописи и Титмара Мерзебургскаго не особенно надежными, но они находятся (относительно времени позднѣйшаго) въ полномъ согласіи съ древнѣйшею лѣтописью (см. текстъ). Въ частности, что касается Титмара, то одинъ изъ его издателей (Ursinus. Dresden. 1790) къ упомянутому извѣстію о числѣ Кіевскихъ церковей сдѣлалъ слѣдующее важное примѣчаніе: „Вѣроятно въ этомъ числѣ полагаются и всѣ часовни. Число нельзя считать невѣроятнымъ, такъ какъ и въ наше время въ сравнительно небольшомъ городѣ Бухарестѣ считается 380 церковей“.—О Титмарѣ Мерзебургскомъ есть очень хорошее изслѣдованіе, принадлежащее перу покойнаго профессора Ф. Я. Фортинскаго.

близь 6 сотъ; се же бысть мѣсяца іюня въ 23 день и въ 24, на рождество Іоана Предтечи¹⁾.

Такимъ образомъ г. Кіевъ въ разсматриваемое время былъ переполненъ церквами, если даже допустимъ, что въ число упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и у Титмара включены не только церкви частныя, домовыя, но и часовни. Очевидно, свою ревность къ вѣрѣ, свои заботы объ ея распространеніи и процвѣтаніи, просвѣтителі и новопросвѣщенные выражали первѣе всего въ храмоустройствѣ.

Но если дѣло обстояло такъ, то можно ли допустить, чтобы такая оживленная, постоянно перекатывавшая волны разнообразнаго люда,—вѣроятно, болѣе всего торговаго,—чтобы такая оживленная мѣстность, какъ Выдубицкое урочище, могла, послѣ крещенія Руси, долгое время оставаться безъ христіанской святыни, бытіе которой здѣсь настойчиво требовалось самымъ положеніемъ сего урочища, было какъ бы предназначено на немъ?

Что же касается до самой святыни, то опять тоже положеніе мѣстности предопредѣляло ея появленіе здѣсь именно въ видѣ монастыря, хотя первое звено для него и могло быть положено перковкою, даже часовнею. Для упроченія здѣсь церкви обычной, не смотря на людность мѣстности, не доставало главнаго—прихожанъ. Для монастыря это главное было—приходящіе богомольцы и тотъ или иной притокъ пожертвованій,—причемъ и ищущіе полнаго уединенія иноки (если таковыя находились) могли, по условіямъ мѣстности, удовлетворять своей потребности. Однимъ словомъ, для устройства монастыря болѣе удобнаго мѣста, какъ разсматриваемое урочище (съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на дѣло), трудно и представить. По этому въ виду всего сказаннаго основаніе Кіево-Выдубицкой обители, *съ вѣроятностію самой высокой степени*

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, изд. 3, стр. 278.

должно быть относимо къ первымъ годамъ по принятіи христіанства на Руси,—*ко времени княженія Владиміра святого*; а отсюда и наименованіе означеннаго монастыря *Всеволожимъ* слѣдуетъ понимать (какъ было выше сказано) не въ томъ смыслѣ, что Всеволодь былъ его основателемъ, а въ томъ, что былъ его выдающимся благотворителемъ (крито-ромъ и обновителемъ).

Но во всякомъ случаѣ первое *документальное* извѣстіе о Выдубицкомъ монастырѣ относится только къ 1070 году и стоитъ въ прямой связи съ именемъ его ктитора-обновителя, князя Всеволода.

Къ сообщенію краткихъ свѣдѣній о семь князѣ (точнѣе его характеристикѣ), а также уясненію обстоятельствъ, вызвавшихъ его на означенное ктиорство, и приступаемъ.

Князь Всеволодь, рожденный въ 1030 г. ¹⁾, былъ сынъ великаго князя Ярослава Владиміровича и его жены, урожденной королевы шведской Ингигерды=Анны ²⁾. Лѣтописецъ

¹⁾ Лавр. лѣтоп. подъ 1030 г. Здѣсь онъ именуется четвертымъ сыномъ Ярослава. Остальные дѣти Ярослава: Владиміръ, родив. въ 1020 г., Изяславъ, р. 1024 г., Святославъ, род. 1027 г., Вячеславъ, род. 1036 г., (см. Лавр. лѣт. подъ означенными годами) и Игорь, время рожденія котораго въ лѣтописи не обозначено († 1060 г.; см. лѣтоп. подъ симъ годомъ и 1054).

²⁾ Ингигерда, жена Ярослава, была дочерью шведскаго короля Олафа. Относительно христіанскаго ея имени имѣются слѣдующія данныя: Авною она именуется на древнихъ иконахъ, хранящихся или хранившихся въ Новгородскомъ Архіерейскомъ домѣ, въ надписаніи надъ ея гробомъ, находящимся въ Новгородскомъ Соф. Соборѣ, и въ рукописномъ Софійскомъ уставѣ подъ 5 сентября и 4 октября (Исторія госуд. рос. Н. М. Карамзина, т. II, примѣч. 34). Очевидно сія княгиня скончалась въ Новгородѣ († 1050 г.) при посѣщеніи ею княжившаго здѣсь старшаго сына Владиміра († 1052).—То обстоятельство, что вел. князь Ярославъ построилъ два монастыря одинъ мужской Георгіевскій, въ честь своего св. патрона, а другой женскій Ирининскій, дало основаніе предполагать, что послѣдній монастырь построенъ въ честь ангела Ярославовой жены и, слѣдовательно, христіанское имя ея Ирина. Карамзинъ (ibid), считая это правдоподобнымъ, полагаетъ, что супруга Ярослава именовалась въ свѣтѣ Ириною, а предъ кончиною постриглась и была названа въ монашествѣ Анною. (О выдающейся религіозности отца сей княгини см. Карамзина Ист. Гос. Рос., II, прим. 58).

неоднократно подчеркиваетъ объ особенной любви къ нему Ярослава, видѣвшаго въ семъ сынѣ опору и утѣшеніе въ своей старости. Этому, безъ сомнѣнія, содѣйствовали и личныя нравственныя качества Всеволода. „Бѣ издѣтська,—говорить о немъ лѣтописецъ,—боголюбивъ, любя правду, набдя убогыи, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любя черноризци и подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ воздержася отъ пьянства и отъ похоти“¹⁾. Тотъ же лѣтописецъ влагаеть въ уста состарѣвшагося Ярослава слѣдующія, обращенныя къ сему сыну слова: „сыну мой! благо тобѣ, что слышу о тобѣ кротость, и радуюся яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ прияти власть стола моего, по братьи своей, с правдою, а не с насильемъ, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, да ляжеша, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее“²⁾.—Какъ нѣжно любимому сыну (къ тому же по своему мягкосердечію, не чувствовавшему особенной склонности къ подвигамъ браннымъ) науколюбивый Ярославъ постарался дать самое широкое по тому времени образованіе: Всеволодъ *зналъ пять языковъ*, на что съ гордостію въ извѣстномъ своемъ поученіи дѣтямъ указываетъ его сынъ Владиміръ Мономахъ³⁾. Эта же особенная любовь къ Всеволоду, надо полагать, побудила Ярослава искать для него, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, блестящей по тогдашнимъ воззрѣніямъ партіи: имѣемъ въ виду состоявшееся въ послѣдніе годы Ярославова княженія супружество Всеволода (первое) съ греческою царевною изъ рода Мономаховъ⁴⁾.

1) Лѣт. по Лавр. спис., подъ 1093 г. Срав. *Ibid* 1054.

2) *Ibid*. 1093.

3) *Ibid*. 1096 (по 3 изд. стр. 238).

4) *Ibid*. (по 3 изд.) стр. 157, срав. стр. 232. Карамзинъ, изд. Полевого II, стр. 110.

Самые счастливые годы жизни проведены были Всеволодомъ подь кровомъ своего отца, незадолго предь своею кончиною утѣшеннаго рожденіемъ у любимаго сына первенца, нареченнаго дѣдомъ „въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Владиміръ“ (очевидно, въ память Ярославова отца, прадѣда новорожденному, великаго князя *Владимира—Василія*, крестителя Руси) ¹⁾.

Въ 1054 году великій князь Ярославъ скончался. Начавшіяся вскорѣ послѣ того смуты въ Русской землѣ,—отчасти вслѣдствіе набѣговъ на нее новыхъ виѣшнихъ враговъ (Половцевъ), а главнымъ образомъ отъ междоусобиць самихъ князей, ведшихъ нескончаемые споры изъ-за удѣловъ,—тяжело отзывались на мягкосердомъ, болѣе набожномъ, чѣмъ воинственномъ князѣ и, несмотря на помощь мужественнаго сына Владиміра Мономаха, дѣлали для него княженіе въ его Переяславскомъ удѣлѣ бременемъ тяжелымъ; а когда, послѣ смерти брата Изяслава († 1078 г.), онъ занялъ великокняжескій престолъ, бремя это еще болѣе увеличилось. „Киевѣ княжа—говорить лѣтописецъ—быша ему печали больши паче неже сѣдящю ему въ Переяславлі; сѣдящю бо ему Киевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець (племянниковъ) своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти“ ²⁾,—т. е. вчиняли постоянные споры изъ-за обладанія удѣлами,—и Всеволодъ,—по выраженію нашего исторіографа,—„любя миръ, видѣлъ непрестанное кровопролитіе“. Въ послѣдніе годы своей жизни при наступившей старости, сопровождаемой къ тому же „недугами“, великій князь совершенно ослабилъ бразды правленія: „и нача любити смыслъ уныхъ (юныхъ)“, которые, отстранивъ прежнихъ совѣтниковъ князя, сильно (Всеволоду объ этомъ „не вѣдущу“) угнетали народъ ³⁾. Въ прикровенныхъ рѣчахъ лѣтописца объ юныхъ

¹⁾ Ibid.—подь 1053 г., срав. поученіе Вл. Мономаха (стр. 232).

²⁾ Лѣтоп. Лавр. подь 1093 г.

³⁾ Ibid. 1093 г.

любимцахъ великаго князя слышится явственный намекъ на младшаго сына Всеволода, отъ второго брака ¹⁾, Ростислава, жившаго при отцѣ и далеко по своимъ нравственнымъ качествамъ не схожаго съ своимъ старшимъ братомъ, набожнымъ, справедливымъ и сострадательнымъ къ народу Владиміромъ Мономахомъ ²⁾.

Скончался великій князь Всеволодъ 13 апрѣля 1093 г. и, согласно выраженному его отцемъ желанію, похороненъ былъ рядомъ съ нимъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

¹⁾ Ibid. стр. 254.

²⁾ Ibid. стр. 209.—Въ оправданіе *нашего* пониманія указаннаго мѣста въ лѣтописи приводимъ слѣдующія данныя и соображенія:

а) Лѣтописецъ говоритъ: „Нача (Всеволодъ) любити смыслѣ уныхъ, съвѣтъ творя с ними; си же нача заводити и, негодовати *дружини своея первой* и людемъ не доходити княжеи правды, начаша ти уни грабити, люди продавати, сему невѣдущу въ болѣзняхъ своихъ“. Здѣсь прежняя, старая („первая своя“) дружина противопоставляется людямъ юнымъ, т. е. дружинѣ новой, отстранившей отъ великаго князя прежнюю. У кого она могла быть, какъ не у юнаго (23-лѣтняго) Ростислава?—Это первое. А затѣмъ, какъ могли бы укрыться отъ великаго князя, хотя и болѣзненнаго, такія вопіющія дѣла, какъ грабежи и продажа людей, безъ сомнѣнія, вызывавшіе ропотъ и жалобы,—если бы эти дѣла были совершаемы *не самими близкими по своимъ родственнымъ связямъ и вліянію на князя лицами* (въ данномъ случаѣ сыномъ Ростиславомъ)? Не эти ли лица (буде въ означенныхъ „неправдахъ“ они не были повинны) первѣе всего довели бы до свѣдѣнія князя о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ?

б) Что Ростиславъ былъ человѣкъ способный къ указаннымъ поступкамъ (былъ человѣкъ выдающійся по своей жестокости), объ этомъ свидѣтельствуетъ его злодѣяніе, учиненное надъ преподобнымъ Григоріемъ чудотворцемъ, который, по приказанію Ростислава, его дружиною утопленъ былъ (съ привязаннымъ на шею камнемъ) въ Днѣпрѣ (см. въ Патерикѣ Печерскомъ житіе означеннаго преподобнаго. Здѣсь Ростиславъ называется *злымъ убійцею*).—Замѣтимъ и подчеркнемъ, что лѣтописцу, какъ современнику, притомъ въ тѣнѣйшихъ связяхъ находившемуся съ Кіево-Печерскою обителью, означенное злодѣяніе не могло быть не извѣстнымъ, между тѣмъ въ лѣтописи онъ объ немъ умалчивается. (Огсюда понятны его указанныя дипломатически-прикровенныя рѣчи объ юныхъ людяхъ, творящихъ вопіющія неправды при состарѣвшемся Всеволодѣ).

Сооруженіе каменныхъ церквей въ разсматриваемое нами время представляло, какъ нами было замѣчено, очень большія трудности (мастера вызывались изъ Греціи) и требовало большихъ затратъ, что посильно было только людямъ очень состоятельнымъ. Поэтому Кіевъ, имѣвшій въ домонгольскій періодъ около 20 каменныхъ церквей (преимущественно въ монастыряхъ), обязанъ былъ ими почти исключительно князьямъ, которые, подражая императорамъ греческимъ, строили свои, такъ называемые, ктиторскіе монастыри и церкви или въ честь своихъ ангеловъ, или въ честь особо чтимыхъ ими святыхъ. Большею частію здѣсь они имѣли и свои фамиліные склепы. Сказаннымъ, повидимому, достаточно уясняется вопросъ, что побудило Всеволода соорудить каменную церковь въ Выдубицкомъ монастырѣ. Но вопросъ этотъ нѣсколько усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Всеволодъ не былъ—какъ мы полагаемъ—основателемъ означеннаго монастыря, а только его выдающимся благотворителемъ, и церковь построена имъ въ обители, *уже издавна существовавшей*. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, что побудило Всеволода принять на себя званіе и обязанности ктитора, благотворителя монастыря, не имѣвшаго къ нему непосредственнаго отношенія (не имъ основаннаго)?

Къ уясненію этого вопроса могутъ служить слѣдующія данныя и соображенія.

Въ лѣтописи подь 1096 годомъ читаемъ: „Тогда (во время нападенія половцевъ на Кіево-Печерскій монастырь и предмѣстье Кіева) зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарицаемѣмъ Выдобычи“ 1).

1) Лавр. списокъ. По спискамъ Радзивиловскому и Москов. дух. Академіи, а также Ипатьевскому: *на холму, иже есть надъ Выдобычю*.

Дворъ *красный*—это загородный лѣтній дворець, какъ-вые дворцы иногда устраивали князья для лѣтняго въ нихъ пребыванія и лѣтнихъ охотничьихъ забавъ. Чарующее положеніе Выдубицкаго урочища, безъ сомнѣнія, (какъ мы упоминали) въ то время изобиловавшего дѣвственными лѣсами, представляло самое удобное мѣсто для подобнаго дворца. Это понятно само собою.

Въ лѣтописи не находится указанія (для насъ имѣющаго существенное значеніе), когда именно построенъ кн. Всеволодомъ означенный дворець. Разумѣется, онъ не могъ построить его во время своего пребыванія на удѣльныхъ княженіяхъ (1054—1078 гг.). Означенную постройку можно относить къ двумъ періодамъ его жизни: или ко времени жительства при отцѣ, до своей кончины съ нимъ не разлучавшемся,—или ко времени самостоятельнаго княженія въ Кіевѣ.

Есть твердыя основанія думать, что сооруженіе Краснаго дворца должно быть относимо къ періоду первому.

Всеволодъ жилъ при отцѣ до 25-лѣтняго возраста. Знаемъ, что отецъ любилъ его нѣжно, болѣе всѣхъ своихъ сыновей... Неужели для любимаго сына, притомъ увлекавшагося охотою едвали не болѣе другихъ тогдашнихъ князей¹⁾,—отецъ не озаботился устройеніемъ загороднаго дворца (пожалѣлъ средствъ для сего)? Это первое. А затѣмъ, мы говорили, что Всеволодъ былъ женатъ на греческой царевнѣ. Ярославу для снохи любимаго сына, а Всеволоду для молодой жены, привыкшей въ своей столицѣ къ царственной роскоши, естественно было окружить возможною (доступною) роскошью ея пребываніе и въ новомъ отечествѣ. Красные же дворцы и представляли собою подобныя (роскошныя) лѣт-

¹⁾ Всеволодъ не оставлялъ охоты даже и во время болѣзненной старости.

нія помѣщенія (Кіевскій князь Георгій Владиміровичъ свой „дворъ“, бывшій за Днѣпромъ, называлъ *раемъ*)¹⁾.

Если же дѣло о сооруженіи Краснаго двора Всеволода обстояло такъ, какъ мы его понимаемъ, то, полагаемъ, найдемъ и ключъ къ уясненію отношеній сего князя къ Выдубицкому монастырю.

Построенный на холму, находящемся въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ означеннымъ монастыремъ, Красный дворъ Всеволода предоставлялъ выдубицкимъ инокамъ полную возможность войти въ близкія отношенія съ его владѣльцемъ, набожность котораго и расположеніе къ „черноризцамъ“ хорошо были извѣстны. Можно думать, нерѣдки были въ лѣтнее время посѣщенія Всеволодомъ и самой обители для присутствія на церковныхъ службахъ. Все это какъ бы само собою предоставляло Всеволоду ктиторство надъ обителью (какъ бы обязывало его къ сему) и, безъ сомнѣнія, благотворенія князя обители имѣли мѣсто еще до сооруженія имъ здѣсь каменной церкви. Начало надѣленія монастыря земельными и другими угодьями, о чемъ вспоминали и на что указывали позднѣйшіе выдубицкіе иноки, можетъ быть приурочиваемо къ этому времени. Сооруженіе же упомянутой каменной церкви есть только самый выдающійся и вѣковѣчный памятникъ благотворительности монастырю сего набожнаго князя.

Церковь въ Выдубицкомъ монастырѣ, въ то время уже усвоившемъ названіе Всеволожаго, заложена была, какъ сказано, въ 1070 году. Подъ этимъ годомъ въ лѣтописи, и притомъ непосредственно предъ извѣстіемъ о заложеніи церкви, отмѣчается рожденіе у Всеволода сына Ростислава (какъ видно изъ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ указаній отъ второго брака). Естественно предположить, не стоятъ ли эти два событія не въ случайной,

¹⁾ Ипат. лѣт. подъ 1158 г.

а непосредственной связи? Припомнимъ, что въ это время Всеволодъ княжилъ въ Переяславль, и, слѣдовательно, находился вдали отъ Кіева. Разумѣется, выдубицкіе иноки могли за-долго до этого просить своего благотворителя объ украше-ніи ихъ монастыря каменнымъ храмомъ; но осуществленіе ихъ желанія и просьбы могло быть приурочено къ какому либо особенно радостному событію въ жизни Всеволода, ка-ковымъ событіемъ и было рожденіе у него сына Ростислава, повидимому, отъ второй супруги первенца.

Заложенная въ 1070 году Всеволодъная церковь освящена была въ 1088 году,—слѣдовательно, черезъ восемнадцать лѣтъ.

Церковь эта не принадлежитъ къ числу церквей монументальныхъ, выдающихся (даже для того времени) по своей обширности, каковыми были (для современниковъ) церкви Десятинная, Кіево-Софійская и *отчасти* Кіево - Печерская. Она по своимъ размѣрамъ должна быть причислена къ числу церквей среднихъ. Самая обширная изъ Кіевскихъ церквей Десятинная строилась только шесть лѣтъ (съ 1091 по 1093 г.г.). Но начатая вслѣдъ за приступомъ къ общему крещенію народа и предназначенная быть матерію русскихъ церквей, она сосредоточивала на себѣ исключительное вниманіе и заботливость крестителя Руси, не щадившаго для ея сооруженія матеріальныхъ средствъ, которыми онъ притомъ вполне располагать. О продолжительности постройки дру-гихъ Кіевскихъ церквей, до времени заложения нашей, ника-кихъ свѣдѣній не имѣется. Почти современная ей по началу постройки Печерская церковь вчернѣ закончена была въ три года (1073—1075), но затѣмъ отдѣлка ея (внутреннее укра-шеніе) продолжалась цѣлые четырнадцать лѣтъ, и она освя-щена была только въ 1089 году,—причину чего видятъ въ томъ, что „у монастыря не было готовыхъ средствъ на от-дѣлку сей церкви и что онъ долженъ былъ производить ее медленно, по мѣрѣ приобрѣтенія этихъ послѣднихъ“¹⁾.

¹⁾ Голубинскій, Исторія Рус. Церкви, т. I, первая полов. изд. I, 90.

Этою же причиною можно объяснять медленность сооружения и нашей церкви. Князь Всеволодь, вызванный указанными обстоятельствами на ктиторство въ Выдубицкомъ монастырѣ, но повидимому—вслѣдствіе государственныхъ нестроений не располагавшій большими средствами, къ тому же не ограничивавшійся благотворительностію одному только этому монастырю,—могъ отпускать послѣднему средства съ извѣстною постепенностію, что, разумѣется, должно было отражаться на успѣшномъ ходѣ построения церкви.

Повидимому, Выдубицкая Всеволожная церковь вчергѣ, каменною кладкою, окончена была къ 1086 году. Въ этомъ году княземъ Всеволодомъ заложена была уже другая церковь—*Андреевская* [для новоустрояемаго женскаго монастыря, гдѣ дѣвою постриглась дочь сего князя Янка] ¹⁾ и потому естественно является мысль: сооруженіе этой второй Всеволожей церкви *не поручено ли было мастерамъ, производившимъ на средства князя каменные работы въ Выдубицкомъ монастырѣ и ихъ здѣсь уже закончившимъ?*

Если дѣло обстояло такъ, то внутреннее украшеніе Выдубицкой церкви (включивъ сюда и снабженіе ее утварью) продолжалось около двухъ лѣтъ. Относительно этого украшения высказано предположеніе, что церковь росписана была живописью ²⁾. Предположеніе вполне естественное. Профессоръ Е. Е. Голубинскій въ своей Исторіи Русской Церкви, обстоятельно трактуя о внутреннемъ устройствѣ и убранствѣ церквей, между прочимъ говоритъ: „Что касается церквей каменныхъ (до-монгольскаго періода), составлявшихъ въ общемъ количествѣ всѣхъ церквей весьма незначительный процентъ, то относительно ихъ есть вся вѣроятность думать, что живопись считалась столько же ихъ необходимою принадлежностію, какъ это было въ Греціи. Правда, мы не имѣ-

¹⁾ Ипат. лѣт. подъ 1086 г.

²⁾ Вѣст. Зап. Рос. 1865 г., январь, отд. II, стр. 151.

емь относительно этого общих свидѣтельствъ, но думать такъ заставляютъ частныя свидѣтельства, которыя говорятъ *объ украшеніи живописью церкви каменныхъ и самыхъ незначительныхъ*“¹⁾. Замѣтимъ, что окончаніе постройкою Выдубицкой церкви (вчернѣ) совпало съ заканчивавшимся украшеніемъ (мусією и живописью) Кіево-Печерской церкви и, слѣдовательно, недостатка въ лицахъ, способныхъ для означенныхъ работъ, быть не могло,—и сколь трудно предполагать, чтобы князь Всеволодъ свою ктиторскую, сравнительно небольшую, церковь украшалъ мусією (уже вслѣдствіе дороговизны и сложности работъ), столь естественно думать, что онъ, по обычаю, озаботился украсить ее стѣнною живописью. То обстоятельство, что при реставраціи означенной церкви сравнительно въ недавнія времена, слѣдовъ древней стѣнной живописи въ ней не было усмотрѣно, можетъ быть объясняемо тѣми разрушеніями въ теченіи многихъ столѣтій—естественными и стихійными (пожары и проч.), какимъ она подвергалась; а части ея—алтарная и купольная, гдѣ всего естественнѣе было бы ожидать означенныхъ слѣдовъ, и вовсе не сохранились.

Объ освященіи нашей церкви въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ дословно слѣдующее: „В лѣто 6596. Священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащо того монастыра Лазъ (реви)“. Въ другихъ лѣтописныхъ спискахъ, сходныхъ съ Лаврентьевскимъ, а также Ипатіевскомъ и сходныхъ съ нимъ послѣ словъ: „Священа бысть церкы... митрополитомъ Иваномъ (или Иоаномъ)“ прибавлено: „и епископы Лукою, Исаіемъ, Иваномъ“.

Упоминаемые здѣсь епископы Лука, Исаія и Иванъ (Іоаннъ) были въ данное время епископами—первый *Бѣлгородскимъ*, второй *Ростовскимъ* и третій *Черниговскимъ*.

¹⁾ Истор. Рус. Церкви, т. I, вторая половина (1-е изд.) 195.

Что великій князь Всеволодь, окончивъ свою ктиторскую, не малыхъ средствъ стоившую ему церковь, позаботился освященіе ея обставить большею торжественностью, это вполнѣ понятно,—и посему присутствіе на освященіи митрополита, безъ сомнѣнія со всѣмъ почетнымъ кіевскимъ духовенствомъ (въ особенности игуменами мѣстныхъ монастырей), есть явленіе какъ бы само собою подразумѣваемое. Если же признать запись лѣтописи объ участіи съ митрополитомъ при освященіи нашей церкви еще и трехъ епископовъ не возбуждающей сомнѣнія (а такое сомнѣніе, о чемъ ниже, *возможно*), то это значило бы, что князь Всеволодь счелъ нужнымъ придать означенному освященію не только обычно - большую торжественность, но торжественность *исключительно большую*. При этомъ приглашеніе къ освященію и участіе въ немъ епископовъ Бѣлгородскаго и Черниговскаго могло бы быть легко объяснимымъ: кафедра перваго находилась всего въ 23—24 верстахъ отъ Кіева, и онъ, безъ сомнѣнія, былъ здѣсь частымъ гостемъ; нельзя считать большимъ и 120-ти верстное разстояніе, отдѣлявшее (и отдѣляющее) нашъ городъ отъ Чернигова; къ тому же у Всеволода съ послѣднимъ (а отсюда и съ мѣстнымъ епископомъ) были тѣсныя связи: онъ хотя и не долго, предъ вступленіемъ на великокняжескій престолъ, княжилъ въ Черниговѣ, а въ данное время тамъ княжилъ его старшій сынъ Владиміръ Мономахъ.

Что касается до Ростовскаго епископа Исаи (преподобнаго) то—разумѣется—приглашеніе его великимъ княземъ Всеволодомъ для освященія своей ктиторской церкви *изъ епархіи весьма отдаленной отъ Кіева* есть дѣло трудно мыслимое. Прибытіе преподобнаго Исаи въ Кіевъ около разсматриваемаго времени,—что фактъ несомнѣнный,—состоялось по другому однородному случаю,—именно вызвано было *величайшимъ торжествомъ въ Кіево-Печерской обители* предстоявшимъ освященіемъ ея великолѣпной „небесиподоб-

ной“ каменной церкви, построение и украшение которой стоило столь многих трудовъ. И прибытіе *по этому* случаю было весьма естественно.

Для уясненія сказаннаго достаточно припомнить, что преп. Исаія былъ постриженникомъ Кіево-Печерскаго монастыря (предъ поступленіемъ на Ростовскую кафедру игуменствовавшей въ Кіевскомъ Изяславовомъ монастырѣ св. Дмитрія) и—какъ есть всѣ вѣроятія думать—принадлежалъ къ числу тѣхъ лучшихъ его постриженниковъ, которые, — подобно Симону, епископу Владимірскому и Суздальскому, — и по вступленіи на святительскія кафедры не переставали обращать взоры къ сродной имъ по духу обители и всецѣло своими помыслами стремились къ ней. Безъ сомнѣнія, преп. Исаія принималъ участіе въ жертвахъ на построение Кіево-Печерской Церкви и о предстоящемъ ея освященіи былъ своевременно извѣщенъ.

По свидѣтельству лѣтописи освященіе Кіево-Печерской Церкви состоялось „въ лѣто 6597“ (1089-е). Въ Печерскомъ патерикѣ указанъ кромѣ того и самый день освященія—*14-е августа*. Освященіе нашей (Выдубицкой) церкви, по той же лѣтописи—какъ мы видѣли—приурочивается къ „лѣту 6596“ (1088).

Если устранимъ свидѣтельство Патерика о прибытіи преп. Исаіи въ Кіевъ *только передъ самымъ освященіемъ Печерской церкви*, какъ по данному вопросу ненадежное¹⁾, и предположимъ, что освященіе Церкви Выдубицкой состоялось въ концѣ 6596 г., каковое время падаетъ на январь — февраль мѣсяцы 1089 года отъ Р. Х. (имѣемъ въ виду мартовское лѣтосчисленіе, какового держался лѣтописецъ), — то и въ такомъ случаѣ препод. Исаія, буде онъ участвовалъ при

¹⁾ Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ прибытіе преп. Исаіи (равно какъ и другихъ епископовъ) въ Кіево-Печерскую обитель передъ самымъ освященіемъ церкви („какъ разъ къ чиву“) объясняется чудеснымъ образомъ.

освященіи Выдубицкой церкви, долженъ бы прибыть на возвѣщенное ему торжество въ Печерскую обитель за нѣсколько мѣсяцевъ до него, что представляется мало вѣроятнымъ (имѣемъ въ виду неудобства продолжительнаго отсутствія изъ епархіи).

Уже это обстоятельство возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ достовѣрности лѣтописной замѣтки относительно участія въ освященіи Выдубицкой церкви преп. Исаи. Сомнѣніе это еще болѣе увеличивается при выясненіи характерной особенности означенной замѣтки, послѣ чего и вполне (какъ мы сказали)—допустимое участіе въ помянутомъ освященіи и другихъ епископовъ—Луки Бѣлгородскаго и Іоанна Черниговскаго — представляется уже тоже сомнительнымъ. Мы склонны думать, что та часть лѣтописной замѣтки объ освященіи Выдубицкой церкви, гдѣ упоминается объ участіи въ немъ, кромѣ митрополита, еще трехъ епископовъ *есть позднѣйшая интерполяція* (вставка).

Характерную особенность рассматриваемой замѣтки составляетъ то, что здѣсь при перечисленіи трехъ епископовъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ митрополитомъ при освященіи Выдубицкой церкви, обозначены только ихъ имена, *но не указываются занимаемая ими каведры*, что представляется въ высшей степени страннымъ, каковы бы ни были источники, откуда лѣтописцемъ заимствованы означенныя свѣдѣнія: изъ церковныхъ ли замѣтокъ Выдубицкаго монастыря (какъ предполагаетъ Бестужевъ-Рюминъ)¹⁾, или изъ устныхъ разсказовъ,—или даже воспроизведены они по памяти (лѣтописецъ былъ современникомъ описываемаго событія). Не естественно сказать: церковь освящали епископы Лука, Исаи и Иванъ, не обозначивъ какіе это были епископы, притомъ

¹⁾ О составѣ Русскихъ лѣтописей до конца XIV вѣка. СПб. 1868 г. стр. 17.

впервые доселѣ упоминаемые, чего въ другихъ мѣстахъ лѣтописецъ не допускаетъ ¹⁾).

По поводу сказаннаго можетъ быть сдѣлано очень, серьезное возраженіе,—именно: если неестественнымъ представляется перечисленіе лѣтописцемъ, въ указанномъ мѣстѣ, епископовъ безъ обозначенія ихъ кафедръ, то развѣ менѣе естественнымъ представляется это со стороны его интерполятора?

Отвѣтъ на это возраженіе заключается въ разъясненіи, какимъ образомъ, по нашему мнѣнію, произошла въ указанномъ мѣстѣ лѣтописи интерполяція (вставка).

Въ неинтерполированной замѣткѣ лѣтописца объ освященіи Выдубицкой церкви читалось: „Священа бысть церкви святаго Михаіла монастыря Всеволожа митрополитомъ Ивановомъ, а игуменство тогда держащо того монастыря Лазъ-реви“.

Но вслѣдъ за симъ, *всего черезъ нѣсколько строкъ*, въ лѣтописи находится сообщеніе объ освященіи и Кіево-Печерской церкви, которое въ началѣ гласитъ слѣдующее: „Въ лѣто 6597. Священа бысть церкви Печерская святаы Богородица монастыря Θεодосьева, Ивановомъ митрополитомъ, и *Лукою Бѣлгородскимъ епископомъ, и Исаіемъ епископомъ Ростовскимъ, и Ивановомъ Черниговскимъ епископомъ, и Антоніемъ Гурьговскимъ игуменомъ, при благороднѣмъ князѣ Всеволодѣ*... и проч.

Это лѣтописное сообщеніе объ одновременномъ почти освященіи митрополитомъ Іоанномъ двухъ церквей, но въ одномъ случаѣ (освященіе церкви Выдубицкой) безъ указанія на то, чтобы участвовали при семъ и епископы, а въ

¹⁾ Подъ 6581 (1073) годѣмъ лѣтописецъ, говоря объ основаніи Печерской церкви, упоминаетъ объ епископѣ Михаілѣ, не обозначая его кафедръ; но подъ предъидущимъ годѣмъ онъ названъ уже былъ Гурьговскимъ.

другомъ (освященіе церкви Печерской) съ перечисленіемъ нѣсколькихъ епископовъ, и могло дать поводъ переписчику или читателю лѣтописи (разумѣемъ переписчиковъ и читателей склонныхъ дѣлать восполненіе и исправленіе оригинала, каковыя между тѣми и другими, не подлежатъ сомнѣнію, были) *представлять дѣло такъ, что оба означенныя освященія совершены были митрополитомъ при одинаково торжественной обстановкѣ, т. е. въ сослуженіи съ епископами.* Отсюда и произошла указанная интерполяція, причемъ, такъ какъ въ лѣтописи при перечисленіи епископовъ, участвовавшихъ въ освященіи Печерской церкви, обозначены были не только ихъ имена, но и занимаемыя ими каѳедры (ихъ титулы), то при интерполяціи послѣднія, въ виду представлявшейся переписчику—дополнителю ихъ извѣстности (въ виду обозначенія ихъ на той же страницѣ), были опущены. Если же интерполяція сдѣлана была кѣмъ либо изъ читателей (что представляется болѣе вѣроятнымъ), то на опущеніе епископскихъ титуловъ, кромѣ указанной и главной причины, могъ повліять и недостатокъ мѣста въ рукописи (въ особенности при вставкѣ надстрочной). Разумѣется, то обстоятельство, что не во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ говорится объ освященіи Выдубицкой церкви, кромѣ митрополита еще и тремя епископами,—есть важное данное въ пользу нашего мнѣнія, ибо объяснять краткую редакцію разсматриваемаго мѣста намѣреннымъ сокращеніемъ первоначальнаго текста лѣтописи нельзя въ виду неестественности подобнаго сокращенія.

Въ лѣтописи не говорится, въ честь какого святаго или въ воспоминаніе какого событія освящена Всеволодомъ церковь; но что она освящена была въ воспоминаніе „Чуда святаго Архистратига Божія Михаила, иже въ Хонѣхъ“,—это ясно безъ объясненій (свидѣтельствуется дальнѣйшими данными). Вопросъ только въ томъ: Всеволожая церковь была ли въ Выдубицкомъ монастырѣ *первою*, посвященною воспо-

минанію означеннаго чуда, или замѣнила собою здѣсь прежнюю (давнюю деревянную) церковь съ такимъ же наименованіемъ?—Имѣя въ виду, съ одной стороны, древность монастыря, долженствовавшего упрочить за собою извѣстное наименованіе, а съ другой то обстоятельство, что церковь посвящается *воспоминанію событія*, очевидно, такъ или иначе связаннаго съ прошлымъ монастыря, поставленный вопросъ должно рѣшить въ пользу существованія въ Выдубицкой обители церкви въ память о чудѣ Архистратига Михаила съ болѣе давняго времени.

Нельзя ли (ибо пытливость человѣческую не останавливаетъ и отсутствіе твердыхъ данныхъ) объяснить посвященіе Выдубицкою братією своей церкви воспоминанію о чудѣ Архистратига Михаила правдоподобнѣе, чѣмъ это сдѣлано легендою, занесенною въ Хронику Софоновича?

Попытаемся.

Разумѣется, ключемъ къ этому могутъ служить только: во 1-хъ, самое чудо Архистратига Михаила (его фабула) и во 2-хъ, указаніе на причины, которыя могли побудить Выдубицкую братію обратить вниманіе на это чудо, какъ до извѣстной степени соотвѣтствовавшее положенію ихъ самихъ.

Въ краткой версіи (которую приводимъ вполнѣ) объ означенномъ чудѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія.

„Въ дни оны бѣше челоуѣкъ нѣкій въ Ераполи именемъ Архиппъ, богобоязливъ и храня законъ Христовъ. И шедъ въ врящей водѣ посѣщенія ради великаго Архистратига Михаила, и сѣдѣше у нея, обращая невѣрныхъ къ Христу. И крещася мнози чудесь ради; и подвиже на зависть безбожныя еллина, не терпящимъ зрѣти православныхъ чудесь, бывающихъ святою водою; и скрежетахы зубы на нь и на святую воду. И събравшеся множество еллинъ, и совокупиша двѣ рѣцѣ велицѣ, ископавше уготованіе водѣ, и сотворше, пустише внезапно, яко да разорять церковь святаго Архистра-

тига Михаила и сущаго ту церковника. И яко слыша Архиппъ грѣшеніе водное, и помолися ко Архистратигу помощи ему. И абіе явлься ему, удари въ камень жезломъ, еже ношаше, и разсѣдся камень, и *погрузи въ немъ воду*. И оттолѣ прозвася мѣсто то Хоны, си рѣчь погруженіе“ 1).

По другой краткой версії (въ прологѣ подь 6 сентября): „Явлься же божественный Архистратигъ, и повелѣ Архиппу держати, и порази жезломъ камень, и *мимо ттти рѣкамъ повелъ, и тамо въ камени битися и шумѣти*“ 2).

Положеніе Кіево-Выдубицкой обители на берегу не постоянного Днѣпра, то отдалявшася отъ нея на довольно значительное разстояніе, то приближавшася къ ней вплотную, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, во время половодій угрожавшаго братіи большими бѣдствіями (о размѣрѣ ихъ къ концу XII в. сказано будетъ ниже),—естественно должно было обращать взоры религіозно-настроенныхъ иноковъ, склонныхъ притомъ объяснять всякія невзгоды вражескими кознями,—обращать взоры на небо съ мольбою о помощи свыше. Если припомнимъ, что прологи и житія святыхъ были у древне-русскаго благочестиваго человѣка (а тѣмъ паче инока) самыми любимыми книгами, что „церковныя воспоминанія, приуроченныя къ каждому дню служили для него какъ бы живыми урочищами, помогавшими ему ориентироваться въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ“,—то понятнымъ покажется, почему на означенное чудо Архистратига Михаила Выдубицкая братія могла обратить особенное вниманіе и воспоминаніе о немъ приурочить къ храму своей нововозникавшей вблизи бурныхъ водъ обители.

Мы сказали, что Всеволожья церковь въ Выдубицкомъ-монастырѣ, посвященная воспоминанію „чуда Святаго Архи-

1) Памятники Славяно-Рус. письменности. Великія минеи четіи, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ, сентябрь, дни 1—13. Изд. Археогр. Комиссіи. СПб. 1868. столб. 283.

2) Ibid., столб. 317.

страти́га Божія Михаїла, иже въ Хонѣхъ“, заложена была въ 1070 году. Въ семь же 1070 году знаменитый храмъ сего Архистрати́га въ Хонѣхъ, по взятіи города турками, обращенъ былъ ими въ стойло для коней ¹⁾. Совпаденіе между означенными событіями, разумѣется, случайное, тѣмъ не менѣе оно напрашивается на то, чтобы быть отмѣченнымъ.

Дальнѣйшія краткія и случайныя лѣтописныя замѣтки о Выдубицкомъ монастырѣ, до 1199 года, состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ 1093 году, послѣ смерти вел. кн. Всеволода, въ виду угрожавшей опасности отъ половцевъ, его сынъ Ростиславъ, пришедши съ своими и брата Владиміра Мономаха войсками на помощь новому великому князю Изяславу, остановился станомъ около Выдубицкаго монастыря и, безъ сомнѣнія, здѣсь произошло указываемое лѣтописцемъ примиреніе племянника съ дядею, *скръпленное крестнымъ цѣлованіемъ*.

Въ 1097 году, послѣ извѣстнаго Любечскаго съѣзда князей, ѣхавшій въ свой удѣлъ кн. Василько Ростиславичъ 7 ноября „перевезеся на Выдобичъ и *иде поклонитися къ святому Михаилу и ужина ту*“.

Въ 1146 году вел. князь Игорь Ольговичъ, побѣжденный и захваченный въ плѣнъ Изяславомъ Мстиславичемъ, по распоряженію послѣдняго, находился [нѣкоторое время (до пересылки въ Переяславль) въ заключеніи въ Выдубицкомъ монастырѣ.

Первыя два извѣстія подтверждаютъ высказанное нами выше мнѣніе, что самое положеніе Выдубицкой обители около Днѣпровской пристани, служившей въ то время главнымъ пунктомъ сообщенія Кіева съ ниже его лежащею

¹⁾ Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Проф. Ф. Терновскаго. Вып. I, Кіевъ, 1875 г. стр. 194.

лѣвобережною мѣстностью, должно было способствовать притоку въ нее посѣтителей (а отсюда, что само собою понятно, и ея благосостоянію).

А послѣднее извѣстіе не можетъ ли быть объясняемо, между прочимъ, довѣріемъ Ізяслава Мстиславича, какъ *Мономаховича*, къ Выдубицкой обители, много обязанной его прадѣду, бывшему ея ктитормъ и благотворителемъ?

Подъ 1199—1200 г.г. въ Іпатьевской лѣтописи находятся нарочитыя рѣчи о Выдубицкой обители, безъ сомнѣнія, имѣющія своимъ источникомъ записъ, составленную въ самой обители.

Рѣчи эти касаются устройства в. княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной подбережной стѣны для огражденія Выдубицкой церкви отъ разрушительнаго напора Днѣпровскихъ волнъ.

Мы говорили, что капризный Днѣпръ часто мѣнялъ и мѣняетъ свое русло. Въ настоящее время оно отстоитъ отъ Выдубицкой обители на довольно значительное разстояніе (около полуверсты). Безъ сомнѣнія, и когда основывалась Всеволодова церковь (заложенная, какъ мы видѣли, въ 1070 г.), воды рѣки текли въ томъ или въ другомъ безопасномъ для воздвигаемаго сооруженія разстояніи. Но спустя нѣкоторое время направленіе Днѣпра измѣнилось и, устремившись въ сторону обители, начало угрожать Всеволодовой церкви. Это сильно встревожило монастырскую братію и вызвало оживленные толки, послужившіе основаніемъ для разнаго рода легендъ, къ которымъ такъ склонно было тогдашнее общество. Почитатели обители не допускали возможности разрушенія церкви. Одни изъ нихъ говорили, что церковь появилась въ обители благодаря небесной помощи, этою же помощію и будетъ сохранена: *„на золотомъ волось церковь спущена съ небесъ, имъ же и будетъ поддержана“*; другіе утверждали, что отъ разрушительныхъ волнъ рѣки *церковь постепенно удаляется внутрь монастыря*. Были, говорить современ-

никъ, многіе и другіе по этому поводу „помышленія суетна и глаголы маловѣрніи“.

Дѣйствительную и существенную помощь для устраненія надвигавшагося на Выдубицкую обитель бѣдствія оказалъ ей во время своего княженія въ Кіевѣ—какъ мы сказали— Рюрикъ Ростиславовичъ, праправнукъ основателя означенной церкви Всеволода.

Современникъ описываемаго событія, выдубицкій инокъ, отмѣтивъ время заложенія Рюрикомъ каменной подбережной стѣны подъ нашимъ монастыремъ (о чемъ подробнѣе скажемъ ниже), говоритъ: сто одиннадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ боголюбивый князь Всеволодъ основалъ въ Выдубицкой обители церковь. Многіе его потомки въ теченіе этихъ лѣтъ занимали великокняжескій престолъ, но „*ни единъ возмѣдова любви*“ сего князя къ Выдубицкой обители. У самого Рюрика, въ пятомъ поколѣніи происходившаго отъ Всеволода, были братья, какъ старѣйшіе, такъ и юнѣйшіе. Всѣ они были „добрые и боголюбивые“, „но не благоволи Богъ о дѣлѣ стѣны той: *время бо требоваше слуги своего*“. Этимъ слугою, по милости Божіей, и явился „Христолюбець Рюрикъ“, который, „приживъ чада по плоти“, возъмѣлъ благое намѣреніе оставить по себѣ наслѣдіе и духовное.

Разумѣется, слова выдубицкаго инока нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что князья изъ рода Всеволода (Мономаховичи) совершенно не благотворили обители, а въ томъ, что благотворенія ихъ не выходили изъ ряда обычныхъ: не оставляли тѣхъ монументальныхъ слѣдовъ, какими ознаменовались отношенія къ обители ея ктитора Всеволода и, восхваляемаго инокомъ за построеніе стѣны, Рюрика.

Изъ словъ того же инока слѣдуетъ заключить, что угрожающее Выдубицкой обители бѣдствіе побуждало ее обращаться съ просьбою о помощи (береговомъ укрѣпленіи) и къ братьямъ Рюрика, но безуспѣшно („не благоволи Богъ“). Что же касается самого Рюрика, то участливое его отно-

шеніе къ желанію и просьбамъ выдубицкихъ иноковъ объясняется въ упомянутой записи особенною любовію сего князя къ монастырямъ и церквамъ, выражавшеюся въ церковномъ строительствѣ: „хотѣніе (имѣлъ Рюрикъ),—читаемъ здѣсь,—к монастыремъ и ко всимъ церквамъ, и любовь несытну о зданіихъ“. Эта характеристика оправдывается и фактами. Не задолго до описываемаго нами событія,—именно, въ 1197 году,—Рюрикомъ построены были (окончены постройкою) двѣ каменные церкви: одна—во имя св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ; другая—въ честь своего Ангела, *Васильевская*, въ Кіевѣ, на новомъ Дворѣ. О первой лѣтописецъ говоритъ, что она „высокою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ“ вызывала всеобщее удивленіе (была „всѣмъ вдивъ“). Но кромѣ этой, такъ сказать, общей причины, при выясненіи отношеній Рюрика къ патронируемой его прапрадѣдомъ Всеволодомъ Выдубицкой обители, можно указать на слѣдующее и, какъ полагаемъ, *главное*.

Въ лѣтописи подъ 1190-мъ годомъ читаемъ: „Того лѣта преставися епископъ Бѣлгородскій Максимъ; *Рюрикъ же в него мѣсто постави епископомъ отца своего духовнаго, игумена святаго Михаила Андрѣяна Выдубицкаго*“.

Это лѣтописное сообщеніе имѣетъ для насъ важное значеніе: оно, во-первыхъ, свидѣтельствуетъ о близкихъ отношеніяхъ Рюрика къ Выдубицкой обители вообще, а во-вторыхъ, объ *особенной* его близости къ игумену сей обители Адріану въ частности. Оказывается, что послѣдній былъ духовникомъ Рюрика, т. е. такимъ лицомъ, которое пользовалось исключительнымъ уваженіемъ со стороны князя, какъ своего духовнаго сына, и имѣло на него въ дѣлахъ, касающихся религіозно-нравственныхъ сторонъ жизни, наибольшее вліяніе. Безъ сомнѣнія, этими близкими отношеніями къ Рюрику должно быть объясняемо возведеніе Адріана на Бѣлгородскую епископію, на что лѣтописецъ прямо и указываетъ („постави епископомъ отца своего духовнаго“). Въ связи

съ этими отношеніями должно быть разсматриваемо и сооруженіе Рюрикомъ упомянутой величественной церкви въ Бѣлгородѣ, находившейся въ непосредственномъ вѣдѣніи Адріана (предназначенной быть кафедральною церковью въ означенномъ городѣ).

Имѣя въ виду сказанное и выходя изъ того естественнаго предположенія, что чтимый Рюрикомъ епископъ Адріанъ, какъ бывшій игуменъ Выдубицкой обители, долженъ былъ чувствовать *тяготніе* къ сей обители и не прерывалъ съ ней связей (на что находится указаніе и въ лѣтописи: къ освященію упомянутой бѣлгородской кафедральной церкви приглашенъ былъ *выдубицкій игуменъ Моисей*),—имѣя въ виду все это, необходимо думать, что сильнымъ ходатаемъ за означенную обитель предъ Рюрикомъ явился именно Адріанъ, и едва-ли подлежить сомнѣнію, что въ дѣлѣ сооруженія каменной стѣны для предохраненія отъ разрушенія Всеволодовой церкви ему принадлежала видная, если не первенствующая роль.

Строителемъ нашей стѣны былъ нѣкто „Милонѣгъ, Петръ же по крещенію“. Въ лѣтописи говорится, что Рюрикъ Ростиславичъ выбралъ его изъ числа „своихъ пріятелей“, и былъ онъ „мастеръ не простъ“, но „художникъ“.

Исторіографъ Карамзинъ предполагаетъ („думаетъ“), что этимъ строителемъ былъ тотъ самый Милонѣгъ, который „въ 1185 году построилъ Новгородскую церковь св. Вознесенія“¹⁾. М. А. Максимовичъ и другіе, писавшіе о Выдубицкой обители, означенное предположеніе считаютъ уже фактомъ достовѣрнымъ²⁾.

Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся.

Дѣйствительно, въ Новгородской лѣтописи читаемъ подъ годами:

¹⁾ Исторія Государства Россійскаго, изданіе Эйнерлинга, 1842 г., т. III, *примѣч.* 256 и 153.

²⁾ М. А. Максимовичъ, Собраніе сочиненій, Кіевъ 1877 г., т. II, стр. 248. *Закревскій*, Описаніе Кіева. Москва, 1868 г., т. I, стр. 229.

1085-мъ: „Въ то лѣто *Милонтъ* заложилъ церковь камяну святого Възнесенія, при архіепископѣ Иліи, а князи Мъсти-слави Давидовици“¹⁾.

и подѣ 1091-мъ: „Томъ лѣтѣ святы церковь боголюбивыи архіепископъ Гаврила святого Възнесенія *сзда*на *Милонтьомъ тысяцьскимъ*“²⁾.

Но выраженія: *заложилъ, созда* и тому подобныя (*сруби, совершилъ*) указываютъ не на лице *зодчаго* (архитектора), соорудившаго церковь, т. е. составившаго планъ и руководившаго работами, а на лице, *давшее для постройки средства*,—что можно видѣть изъ многочисленныхъ указаній тѣхъ же лѣтописей. Напримѣръ: „Въ лѣто 6627 *заложилъ* Кирюкъ игумень и князь Всеволодъ церковь камяну, монастырь святого Георгія, Новѣгородъ“³⁾. „Въ лѣто 6692 *заложилъ* архіепископъ Илія, съ братомъ, църковь святого Іоана, камяну, на торговщи“⁴⁾. „Архіепископъ Нифонтъ... святого Спаса церковь *сзда* камяну Пльсковѣ, другую въ Ладозѣ святого Климента“ (подѣ 1156 г.)⁵⁾. „Въ лѣто 6661... *сруби* Аркадъ игумень церковь святыя Богородицы Успеніе“...⁶⁾ и т. д.

Если всѣхъ указываемыхъ здѣсь лицъ мы не можемъ считать строителями церквей *въ прямомъ значеніи этого слова* уже по занимаемому ими общественному положенію, то это же самое должно сказать и о создателѣ новгородской церкви св. Вознесенія. Онъ называется—какъ мы видѣли—*тысяцкимъ*, а это—титულъ, указывающій на высокое общественное положеніе означеннаго лица. Тысяцкій, по соображенію всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ *воеводою* земскихъ и гражданскихъ полковъ (какъ онъ иногда называется) и избирался

¹⁾ Полное собраніе рус. лѣтописей. Спб. 1841 г., т. III, стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 20.

³⁾ Ibid., стр. 5.

⁴⁾ Ibid., стр. 18.

⁵⁾ Ibid., стр. 12.

⁶⁾ Ibid., стр. 11.

вполнѣ самостоятельными князьями изъ числа ихъ заслуженныхъ дружинниковъ, а въ стремившемся къ „вольности“ Новгородѣ самими гражданами изъ среды мѣстной знати. Въ Новгородѣ тысяцкій занималъ первое мѣсто послѣ посадника и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ, въ качествѣ представителя, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ города. Естественно является вопросъ: совмѣстимо-ли съ такимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ тысяцкаго представленіе о немъ, какъ о „зодчемъ“ (архитекторѣ), даже въ томъ случаѣ, если предположимъ, что въ разсматриваемое время означенную должность Милонѣгъ уже не занималъ (такъ какъ при партійной борьбѣ смѣны посадниковъ и тысяцкихъ въ Новгородѣ были явленіями нерѣдкими)?

Такимъ образомъ, для установленія связи между Милонѣгами—новгородскимъ тысяцкимъ, *давшимъ средства* для сооруженія въ своемъ городѣ церкви Св. Вознесенія, и строителемъ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ остается (даже не *однофамильность*, ибо Милонѣгъ—*имя*, а не фамилія) одна только *одноименность*. Но значеніе этой связи, при указанныхъ нами данныхъ, слишкомъ *паутинное*, чтобы о ней могли вестись серьезныя рѣчи.

Дошедшія до насъ крайне скудныя свѣдѣнія о строителѣ каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ даютъ возможность сдѣлать только два вывода—одинъ характера *положительнаго*, другой—*весьма вѣроятнаго*.

Первый, положительный выводъ—тотъ, что означенный строитель былъ русскій, ибо имя *Милонѣгъ* есть имя *славянское*.

Извѣстно, что на первыхъ порахъ по крещеніи Руси Владиміромъ каменные церкви (и другія каменные зданія) сооружаемы были нарочито вызываемыми для этой цѣли греческими мастерами. Впослѣдствіи, преимущественно въ областяхъ сѣверныхъ, для такихъ построекъ приглашались мастера и западные. Но необходимо думать, что подражать чу-

жеземцамъ въ „искусствахъ“ строительномъ и другихъ, тѣсно съ ними связанныхъ, начали и русскіе, и мало-по-малу въ нихъ совершенствовались, относительно чего имѣются и нѣкоторыя указанія. Такъ изъ Патерика Печерскаго узнаемъ, что преподобный Алипій „отданъ былъ родителями на обученіе къ греческимъ иконописцамъ, прибывшимъ для украшенія святой Печерской церкви“. Повидимому, занимался онъ и мозаикою. Что касается до искусства строительнаго, то, по сказанію лѣтописца, церковь св. Богородицы въ Суздали, которая „опадала старостию и безнарядьемъ“, реставрировали *мастера русскіе* (церковь „покрыта была оловомъ отъ верху до комори и до притворовъ“). Въ лицѣ нашего Милонѣга мы видимъ уже „каменныхъ дѣлъ мастера“ въ точномъ значеніи этого слова.

Второй выводъ, имѣющій *высокую степень вѣроятности*, состоитъ въ томъ, что Милонѣгу можно приписывать сооруженіе и двухъ упомянутыхъ каменныхъ церквей (св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ и Васильевской въ Кіевѣ), воздвигнутыхъ на средства того же Рюрика Ростиславича.

Означенный князь, какъ мы видѣли, имѣлъ „любовь несытну о зданьихъ“. Усиленная его дѣятельность въ этомъ направленіи падаетъ на рассматриваемое нами время (конецъ XII столѣтія). Постройка каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ начата была почти непосредственно послѣ сооруженія упомянутыхъ двухъ церквей. Строители же (т. е. затрачивающіе на сооруженіе средства) даже въ настоящее время, при многочисленности архитекторовъ, обычно (безъ нужды) не мѣняють ихъ; тѣмъ труднѣе допустима такая мѣна ихъ въ рассматриваемое нами время при тогдашней скудости искусныхъ зодчихъ. Это соображеніе общаго характера, по отношенію къ затронутому нами вопросу, находитъ достаточное подтвержденіе въ извѣстномъ намъ указаніи современника, что Милонѣгъ принадлежалъ къ числу „приятелей“ Рюрика Ростиславича („изобрѣте—в. князь—... ху-

дожника и во своихъ си пріятелехъ“). Подчеркнутыя слова показываютъ, что ко времени сооруженія каменной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ Милонѣгъ былъ уже давно знакомъ в. князю и успѣлъ снискать *особенное ею къ себѣ благоволеніе*. Но чѣмъ *искусный зодчій* могъ снискать такое благоволеніе къ себѣ князя, имѣвшаго „любовь несытну“ къ строительству, какъ не тщательнымъ исполненіемъ поручаемыхъ ему работъ? И коль скоро мы знаемъ, что Рюрикъ Ростиславичъ строителемъ воздвигнутыхъ имъ церквей былъ доволенъ (мы говорили, что бѣлгородская церковь св. Апостоловъ „высотою и величествомъ и прочимъ украшеніемъ“ была „*встѣмъ вдивъ*“), то является вопросъ: нужно-ли было князю для новыхъ каменныхъ сооруженій искать другихъ зодчихъ? —Отвѣтъ ясенъ.

Каменная стѣна заложена была въ Выдубицкомъ монастырѣ „въ лѣто 6707 (1199-е) мѣсяца іюля въ 10 день, на память святыхъ Мученикъ 40 и 5, иже въ Никопольи мученыхъ“, а окончена „въ лѣто 6708, мѣсяца сентября въ 24 день, на страсть святыя первомученицы Феклы“.

Обычное мнѣніе по данному вопросу таково, что стѣна строилась *два съ половиною мѣсяца*, т. е. начата 10 іюля 1199 года, а окончена 24 сентября *того же года*. Но мнѣніе это, если оно основывается на счетѣ годовъ лѣтописной записи по счисленію сентябрьскому, не можетъ быть принято, такъ какъ въ данное время господствовало лѣтосчисленіе *мартовское*, и по этому 24 сентября 6708 года падаетъ *не на 1199-й, а на 1200 годъ*, какъ это понимается и учеными издателями Ипатьевской лѣтописи. Означенное мнѣніе было бы справедливо, если бы отдано было предпочтеніе чтенію лѣтописи по позднѣйшимъ (половины и конца XVI стол.) спискамъ ея—Хлѣбниковскому и Погодинскому, гдѣ слова: „въ лѣто 6708“ замѣнены выраженіемъ: „того же лѣта“. Но для такого предпочтенія основаній не имѣется, ибо трудно предположить, чтобы монументальная постройка, требовавшая

сложныхъ работъ, могла быть произведена въ очень короткій срокъ.

Наивѣроятнѣйше дѣло постройки каменной подбережной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ.

10 іюля 1199 года, т. е., во время наибольшаго спада *Днѣпровскихъ водъ*, стѣна была заложена и къ половинѣ осени сего года возведена до размѣровъ, *требуемыхъ характеромъ сей постройки*. Весною слѣдующаго года, послѣ половодья, должны были обнаружиться результаты работы (относительно построенныхъ частей стѣны), т. е. насколько сооруженіе соответствуетъ своему назначенію, и могли быть устранены обнаружившіеся при этомъ дефекты, а затѣмъ къ 24 сентября 1200 года закончена была и вся постройка.

Постройка эта была выдающимся событіемъ не только для выдубицкой братіи, но и вообще для кіевлянъ, доселѣ незнакомыхъ съ подобными сооружениями и потому смотрѣвшихъ на воздвигаемую стѣну („о ней же мнози *не дерзнули помислити* отъ древнихъ, али за дѣло ятися“) съ любопытствомъ и удивленіемъ. Насколько великъ былъ интересъ кіевского общества къ новому сооруженію, можно видѣть изъ благодарственной рѣчи, произнесенной предъ Рюрикомъ Ростиславичемъ отъ имени выдубицкой братіи на торжествѣ по случаю окончанія стѣны. Здѣсь, между прочимъ, говорится, что за послѣднее время посѣщенія пришлого люда въ Выдубицкую обитель значительно увеличились: „множество вѣрныхъ Кіянь и населницы ихъ“ начинаютъ обнаруживать ббльшее „потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню“ и не только (что было и прежде) „ради спасенія своего, но и новаго ради чудеси, иже во дни царства твоего (во время княженія въ Кіевѣ Рюрика) свершися“ (т. е. по случаю сооруженія упомянутой, привлекавшей вниманіе кіевлянъ, стѣны).—Изъ этой же рѣчи можно заключать, что воздвигнутая стѣна была довольно широка и возвышалась надъ уровнемъ площади, за-

нимаемой церковію и монастыремъ: любопытствующіе и любители сильныхъ ощущеній всходили на нее („утверждающе неподвижно нозѣ свои“), чтобы полюбоваться Днѣпромъ и открывавшеюся прекрасною картиною Заднѣпровья („очима любезно смотрящи, отвсюду веселие души привлащаше), причемъ чувствовали себя какъ бы висящими на воздухѣ („и мняться, яко аера достигше“).

Окончаніе Выдубицкой стѣны отпраздновано было ея строителемъ-княземъ торжественно.

✓ 24 сентября 1200 года (день окончанія стѣны) Рюрикъ Ростиславичъ прибылъ въ обитель со своею женою, княгинею Анною, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, дочерью Предславою и снохою (женою сына Ростислава) Верхуславою. На торжество приглашено было и мѣстное почетное духовенство. Разумѣется, стеклось много народа — какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ — и любопытствующаго. „И постави—князь—кутью у святаго Михаила, и молитву принесе о приятїи труда потщанїя своего“, — т. е. сначала отправлена была панихида по умершихъ родичахъ князя, а затѣмъ благодарственное молебствіе по случаю благополучнаго окончанія строительныхъ работъ. За симъ воспослѣдовало, обычное и въ то время при подобныхъ торжествахъ пиршество: „и сотвори (князь),—читаемъ въ упомянутой записи выдубицкаго инокъ,—*пирь не малъ и трапезу со приготовленїемъ; и накорми игумены и со калугеры всеми, и всякаю чина церковнаю, и подари вся яже отъ первыхъ даже и до послѣднихъ, не токмо ту сущая, но и примучившаяся тогда*“.

Во время торжества при здравицѣ можетъ быть за князя-строителя, выдубицкій игумень Моисей, отъ лица всей братїи обратился къ нему съ благодарственною рѣчью. Въ этой рѣчи *заранѣе написанной*, первѣе всего подчеркнуто было, какое важное значеніе для обители имѣеть сооруженіе каменной стѣны, долженствовавшей предохранять ея церковь отъ разрушенїя; какъ давно братїя желала видѣть такое сооруженіе и

какъ доселѣ тщетны были ихъ ожиданія, — и только теперь, во время княженія въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича, это удивленія достойное („дивное“) дѣло благополучно совершилось. Обращаясь затѣмъ къ князю-строителю, авторъ задается вопросомъ: чѣмъ они, смиренные иноки, могутъ возблагодарить его за благодѣянія, которыя онъ имъ оказалъ и оказываетъ? Самъ князь ничего не требуетъ кромѣ молитвъ о своемъ здравіи и спасеніи. Безъ сомнѣнія, „Богъ милости“ воздастъ ему соотвѣтствующую трудамъ „мзду“, а также и архистратигъ Михаилъ, которому онъ „послужилъ неслестно“. Но братія надѣются, что милосердный ко всѣмъ князь, по своему благому обычаю, не откажется принять и отъ нихъ, грубыхъ иноковъ, слабое *писаніе*, „аки даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелей“, повергаемый ихъ любовію и усердіемъ въ княжескую сокровищницу, по примѣру вдовицы, опутившей двѣ лепты.—Затѣмъ слѣдуетъ похвала князю. Приступая къ ней, ораторъ приводитъ выдержку изъ Меѳодія (Патарскаго), уподобляющаго въ „притчахъ“ душу человѣческую малому небу, ибо и та и другое „выну повѣдаютъ славу Божию“. Душа—правостою вѣры, словесами истинными и дѣлами добрыми; небо — свѣтлостію солнца, сіяніемъ луны, украшеніемъ звѣздъ. Люди, взирая на небесныя свѣтила, неизмѣнно хранящія, во исполненіе повелѣній Господнихъ, *уставы* времени, славятъ Сотворшаго ихъ. Сказанное въ притчѣ еще болѣе приложимо къ князю, ибо „словеса его честна и дѣла боголюбна и держава самовластна, ко Богу изваяная, славою паче звѣздъ небесныхъ, не токмо и въ Рускихъ концехъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече: во всю бо землю изыдоша, по Пророку, богомирная словеса“ его „и въ конецъ вселенныя христоробивная дѣла“, которыми отъ всѣхъ славится Владыка, согласно Евангельскому изреченію: „видѣвше дѣла ваша добрая прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“. Ораторъ надѣется, что примѣръ князя - благотворителя послужитъ назиданіемъ и для другихъ, вслѣдствіе чего

уподобляеть его Моисею, какъ проводника, изводящаго новаго Израиля „изъ работы немилосердія и отъ мрака скупости“, и—подобно древней Маріамѣ,—но только ставши не на брегѣ, но на стѣнѣ, созданной княземъ,—воспѣваетъ ему побѣдную пѣснь.—Въ этой пѣснѣ выясняются послѣдствія отъ указанного благодѣянія князя (сооруженія стѣны). „Днесь, — говоритъ ораторъ,—поновляются острови“, т. е. души праведныхъ, видящія поновленіе честнаго храма Господня, огражденнаго отъ разрушенія, и освобождающіяся, подобно израильтянамъ при Зоровавелѣ, отъ Вавилонскаго отчаянія. Днесь множество кievлянъ начинаютъ имѣть бѣльшее потщаніе и любовь къ Архистратигу Господню, стекаясь въ обитель не только ради своего спасенія, но и ради новаго чудеси, т. е. сооруженной стѣны, утверждая ноги на которой и созерцая открывающіяся красоты, они веселятся душою и исполненные любви не безъ труда отрываются отъ доставляемаго имъ наслажденія, а выходя изъ обители, похваляютъ „богомудрство“ князя. Восхваляютъ его и радуются даже невидѣвшіе сооруженія. Они веселятся, какъ говоритъ Соломонъ, „похваляему праведному“.—„Днесь отъяшася“ отъ многихъ сердець помышленія суетная и глаголы маловѣрній. Указавъ на нѣкоторыя изъ этихъ глаголовъ, т. е. на создавшіяся по поводу размыва днѣпровскими волнами монастыря легенды (о которыхъ сказано выше), ораторъ подчеркиваетъ, что эти легенды не были истиннымъ утѣшеніемъ, а такое утѣшеніе доставлено обители только княземъ, благодаря его щедротамъ. Выдубицкіе иноки, постоянные должники и молитвенники за приснаго имъ Господина, надѣются, что онъ и впредь не будетъ оставлять ихъ своими милостями, которыхъ они жаждутъ подобно еленю, жаждущему источниковъ водныхъ. Рѣчь заканчивается молитвеннымъ благословеніемъ князя: „Богъ милости и щедротъ, любовь едиnorodнаго его Сына и причастіе Св. Духа да будетъ съ царствомъ твоимъ и всѣми, тобою любимыми, и Архистратигъ Михаилъ да сохраняетъ тебя

подъ кровомъ криль своихъ, нынѣ и присно въ будущіе вѣка“!

Эта панегирическая рѣчь выдубицкаго игумена Моисея обнаруживаетъ въ авторѣ не только человѣка грамотнаго (въ смыслѣ начитанности), но—безъ сомнѣнія—и вкусившаго отъ плода науки ораторской. При всей краткости означенной рѣчи въ ней видны *явственныя слѣды школы*, притомъ школы, однородной съ тою, подъ вліяніемъ которой образовались ораторскіе приемы его современника Кирилла Туровскаго ¹⁾, представлявшаго собою, по означеннымъ приемамъ, отнюдь не исключительное литературное явленіе разсматриваемаго времени, какъ утверждаетъ проф. Е. Е. Голубинскій.

Отъ „знаменитой“ Выдубицкой стѣны, сооруженной княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, не осталось никакихъ слѣдовъ. „Вѣроятно,—говоритъ М. А. Максимовичъ,—она разрушена еще татарами, которые не жалѣли труда и рукъ, сокрушая и ниспровергая огромнѣйшія твердыни, безъ помощи огня и пороха“ ²⁾. Но, разумѣется, приведенная тирада свидѣтельствуетъ только о томъ, что и очень почтенные ученые (каковымъ мы считаемъ Максимовича), допускаютъ

¹⁾ Для иллюстраціи указанной *однородности* нѣкоторыхъ ораторскихъ приемовъ (картинности изображенія) приведемъ выдержки изъ рѣчи игумена Моисея и изъ Слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла, епископа Туровскаго:

Изъ рѣчи игумена Моисея:

(Полное собраніе лѣтописей, т. II, изд. 1843 г., стр. 154).

„*Днесь*, по Исаи, поновляются острови, а реку праведныхъ душа, видяще поновленіе честнаго храма Господня... *Днесь* и множество вѣрныхъ Кыянъ и насельници ихъ больше потщаніе и любовь ко Архистратигу Господню имѣти начинаютъ... *Днесь* отъяшася отъ многихъ сердець помышленія суетьна и глаголи маловѣрніи“... и т. д.

Изъ слова въ недѣлю Цвѣтоносную Кирилла, епископа Туровскаго:

(Памятники Россійской Словесности XII вѣка. Москв. 1821 г., стр. 4—5).

„*Днесь* Христось отъ Виеанія входитъ... *Днесь* народи противу Іесу изыдоша, ваѣ въ рукахъ дръжаще.. *Днесь* народи постилають Господеви по пути ризы своя“... и т. д.

²⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, Кіевъ, 1877 г., стр. 248.

иногда предположенія невѣроятнѣйшія (куръезныя) ¹⁾. Какое было дѣло татарамъ, безъ нужды не разрушавшимъ даже Кіевскихъ церквей, до Выдубицкой стѣны (до безцѣльной возни надъ ея разрушеніемъ)?—*Безъ сомнѣнія*, она, въ то или иное время, но во всякомъ случаѣ до половины XVII стол., разрушена была *напоромъ волнъ часто мѣнявшаго свое русло Днѣпра*.

Извѣстные, большею частію по случайнымъ упоминаніямъ, игумены Выдубицкаго монастыря за рассматриваемое нами время суть слѣдующіе:

1) **Софроній**. Упоминается въ лѣтописи подъ 1072 годомъ, какъ присутствовавшій при церковномъ празднествѣ перенесенія мощей свв. „страстотерпцевъ“ Бориса и Глѣба въ новую церковь, созданную вел. княземъ Изяславомъ Ярославичемъ.

Правда, нѣкоторые изслѣдователи полагають, что въ данномъ случаѣ имѣется въ виду игумень не Кіево-Михайловскаго *Выдубицкаго* монастыря, а игумень монастыря Кіево-Михайловскаго *Златоверхаго*. Но мнѣніе это не можетъ быть принято, такъ какъ основанія, на которыхъ оно зиждется, слишкомъ проблематичны и шатки.

Основанія эти слѣдующія:

а) Въ Кіевѣ, кромѣ Выдубицкаго Михайловскаго монастыря, существовалъ монастырь Архистратига Михаила *Златоверхій*, который, *по преданію*, основанъ былъ еще митрополитомъ Михаиломъ на одной изъ кіевскихъ горъ вблизи того мѣста, гдѣ стоялъ идолъ Перуна (и гдѣ сей монастырь существуетъ до настоящаго времени).

б) Монастырь Выдубицкій въ лѣтописи повсюду называется или *Всеволожимъ*, или монастыремъ св. Михаила *на*

¹⁾ Даже не столь, какъ Максимовичъ, осторожный въ выводахъ Закревскій (см. Описание Кіева, изд. 1868 г., т. I, 231) находитъ несостоятельнымъ означенное мнѣніе о разрушеніи Выдубицкой каменной стѣны *татарами*.

Выдубичахъ, или просто *Выдубицкимъ*. Поэтому наименованіе упомянутого Софронія игуменомъ „святаго Михаила“, безъ какого-либо изъ означенныхъ прибавленій, показываетъ, что онъ былъ настоятелемъ монастыря не Выдубицкаго, но Кіево-Михайловскаго (впослѣдствіи Златоверхаго).

Относительно этихъ основаній замѣтимъ слѣдующее:

а) Мнѣніе о сооруженіи Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря якобы первымъ кіевскимъ митрополитомъ Михаиломъ покоится—какъ мы видѣли—на „повѣсти старыхъ людей“, занесенной первоначально въ хронику Софоновича второй половины XVII стол. Но сказаніе этой *повѣсти*—*легенды* (ея фабула), даже по отношенію къ Выдубицкой обители, возникновеніе которой въ глубокой древности (въ первые годы по крещеніи Руси) имѣеть, какъ мы видѣли, серьезнѣйшія основанія, несостоятельно. Тѣмъ болѣе это приложимо къ сказанію означенной легенды о сооруженіи митрополитомъ Михаиломъ монастыря Михайловскаго Златоверхаго. Достаточно припомнить, что самое бытіе Михаила, какъ перваго кіевскаго митрополита, есть позднѣйшая повѣсть легендарнаго характера, возникшая вслѣдствіе недоразумѣній, въ настоящее время достаточно уже разъясненныхъ.

б) Такъ какъ Златоверхая церковь сооружена была Святотолкомъ *въ честь своего Ангела* (христіанское имя князя было Михаилъ) въ 1108 году, слѣдовательно, гораздо позднѣе упоминанія въ лѣтописи о Софроніи, какъ игуменѣ монастыря „святаго Михаила“, то рѣчи по затронутому вопросу (не былъ ли Софроній игуменомъ Михайловскимъ *не Выдубицкимъ*) можно бы и закончить. Но въ виду возможнаго (хотя и малосостоятельнаго) предположенія: не сооружена ли Святотолкомъ Златоверхая церковь въ монастырѣ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ уже существовавшемъ и до построенія означенной церкви носившемъ названіе *Михайловскаго*,—замѣтимъ, что такой монастырь,—бѣде онъ существовалъ,—долженъ бы быть признанъ принадлежащимъ къ числу *не-*

значительныхъ, малозамѣтныхъ, и лѣтописцу, ни разу о немъ не упомянувшему, странно было бы, при перечнѣ игуменовъ, присутствовавшихъ на упомянутомъ церковномъ торжествѣ, выдвигать чуть не на первый планъ, назвавъ по имени, игумена этого незначительнаго монастыря и замолчать присутствіе игумена монастыря, послѣ Кіево-Печерскаго, самаго въ то время знаменитаго,—что не соотвѣтствовало бы общепринятому обычаю, въ другихъ мѣстахъ лѣтописцемъ соблюдаемому.

Къ сказанному присовокупимъ, что нашъ монастырь хотя дѣйствительно въ лѣтописи, большею частію, называется или *Всеволожимъ*, или монастыремъ св. Михаила *надъ Выдубичемъ*, или просто *Выдубицкимъ*, но иногда—и просто монастыремъ „*святаго Михаила*“. Наприм., подъ 1093 годомъ: „Володимеру же пришедшу Кіеву, совокупистася (съ войсками Святополка) *у святаго Михаила*“; подъ 1097 годомъ: „Перевезеся (Василько) на Выдубичъ, иде поклонитися *къ святому Михаилу* в монастырь“; подъ 1116 г. въ современной припискѣ Лаврентьевскаго списка: „Игумень Силвестръ *святаго Михаила* написахъ книги си... мнѣ в то время игуменящую *у святаго Михаила*“.

Послѣдняя замѣтка интересна и въ томъ отношеніи, что писана въ 1116 году, слѣдовательно, когда Златоверхая Михайловская церковь была уже сооружена и (предполагая существованіе монастыря при ней) обозначеніе Силвестромъ точнаго (въ смыслѣ отличія отъ другого одноименнаго) названія управляемой имъ обители какъ бы само собою напрашивалось. Отсутствіе этой точности наводитъ на мысль (*находящуюся въ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми историческими данными*), что Златоверхій Михайловскій монастырь,—бѣде сформировался около построенной Святополкомъ церкви,—имѣлъ на первыхъ порахъ *ефемерное существованіе*, а по кончинѣ князя—строителя едва-ли (временно) и *не распался* ¹⁾.

¹⁾ О Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ,—*именно какъ о монастырѣ*,—въ лѣтописяхъ Лаврентьевской и Ипатьевской—*ни разу не*

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что упоминаемый въ лѣтописи подь 1072 годомъ *игумень Святаго Михаила Софроній* есть игумень монастыря *Выдубицкаго*, а не Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго).

Объ этомъ Софроніи есть упоминаніе и въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ. „Игумень монастыря архистратига Михаила Софроній,—читаемъ здѣсь въ житіи преп. Θεодосія,—шелъ въ свой монастырь (очевидно, изъ города). Была темная ночь. И вотъ онъ увидѣлъ чудесный свѣтъ, стоявшій только передъ монастыремъ преп. Θεодосія. Удивляясь тому, игумень прославилъ Бога, говоря: *О сколь велика благодать твоя. Господи, что показалъ Ты такого свѣтильника въ этомъ святомъ мѣстѣ, который такъ просвѣщаетъ монастырь свой!*“

упоминается: встрѣчаются только упоминанія о церкви, сооруженной Святополкомъ, причемъ она, очевидно, въ отличіе отъ Всеволодовой (Выдубицкой) называется (см. Лавр. и Ипат. подь 1108, Ипат. подь 1190 и 1195 гг.) церковью святаго Михаила *Златоверхого* или *Златоверхой* (правда, въ двухъ мѣстахъ,—Ипат. подь гг. 1113 и 1147,—нѣтъ этого эпитета, но безъ сомнѣнія, потому, что и безъ того ясно, о какой церкви идетъ рѣчь). Разумѣется, это умолчаніе лѣтописей о монастырѣ при Златоверхой церкви не значитъ, чтобы его и не существовало. Но то обстоятельство, что церковь повсюду какъ бы заслоняетъ монастырь, даетъ понятіе о *малозначимости* его. Очевидно, сравнительное великолѣпіе Златоверхой церкви не могло содѣйствовать процвѣтанію при ней монастыря, какъ сформированнаго тѣмъ княземъ, *который оставилъ о себѣ весьма дурную память среди кіевлянъ.* (Крайне неодобрительные отзывы о кн. Святополкѣ: объ его жестокости, ненасытной алчности грабежахъ, и т. п. см. въ житіи преп. Прохора Чудотворца, помѣщенномъ въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ). Въ извѣстной угрозѣ кіевлянъ (см. Ипат. подь 1113 г.), что они, въ случаѣ вторичнаго отказа Владимира Мономаха занять послѣ смерти Святополка великокняжескій престолъ (на который Мономахъ прямого права не имѣлъ), не ограничатся произведенными ими грабежами чиновныхъ дружинниковъ умершаго князя и „жидовъ“ (съ которыми Святополкъ учинялъ гешефты въ ущербъ поданнымъ), но не остановятся *передъ грабежами и монастырей*, должно усматривать если не исключительно, то первѣе всего намекъ на монастырь Михайловскій Златоверхій. Вообще сравнительное процвѣтаніе послѣдняго должно быть относимо ко времени позднѣйшему (съ XVI столѣтія, когда онъ все болѣе и болѣе начинаетъ возвышаться и крѣпнуть въ матеріальномъ отношеніи).

Отсюда можно заключать, что Софроній принадлежалъ къ числу ревностиѣйшихъ почитателей Кіево-Печерскаго монастыря и, въ особенности, его настоятеля преп. Θεодосія (видѣніе имѣло мѣсто при жизни сего послѣдняго),—что указываетъ на тѣсныя связи его съ означенною обителію и даже даетъ основаніе для предположенія, не былъ-ли онъ ея постриженникомъ, возведеннымъ потомъ на игуменство Выдубицкое?

2) **Лазарь**. Упомянутъ въ лѣтописи подъ 1088 годомъ, какъ игумень Выдубицкой обители, при которомъ освящена была въ ней созданная княземъ Всеволодомъ церковь. Болѣе упоминаній о немъ, какъ *настоятель* означенной обители, въ лѣтописи не встрѣчается. Но при краткой рѣчи объ этомъ игуменѣ считаемъ нелишнимъ отмѣтить слѣдующія лѣтописныя извѣстія:

а) Подъ 1105 годомъ: „томъ же лѣтѣ постави (митрополитъ) *Лазоря Переяславлю*, ноября 12“¹⁾:

б) и подъ 1118 годомъ: „В тоже лѣто преставися епископъ блаженный *Переяславський Лазарь*, мѣсяца сентября въ 16 день и поставиша в него мѣсто Силивестра, мѣсяца генваря въ 1 день“²⁾.

Отмѣчаемъ эти лѣтописныя замѣтки въ виду того, что преемникъ Лазаря по Переяславской кафедрѣ Сильвестръ, по согласному мнѣнію нашихъ историковъ³⁾, былъ предъ симъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря (о немъ сейчасъ ниже),—тѣмъ игуменомъ, которому принадлежитъ извѣстная приписка подъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“ по Лаврентьевскому списку. Это мнѣніе, которое и мы вполне раздѣляемъ, имѣетъ *главную опору* въ томъ фактѣ, что Перея-

1) Лавр. и Ипат. подъ означеннымъ годомъ.

2) Лавр. лѣтопись подъ означеннымъ годомъ.

3) См., напр., Карамзина Истор. Госуд. Рос. т. II, примѣч. 225; Голубинскаго Истор. Церкви, т. I, перв. полов., изд. 1901. 187 и многіе другіе.

славское княженіе, отданное великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ удѣлъ своему третьему любимому сыну Всеволоду (кѣтитору Выдубицкаго монастыря), постоянно оставалось въ его родѣ, и его князьямъ, какъ извѣстно, имѣвшимъ большое вліяніе при выборѣ епископовъ въ свои стольные (а вмѣстѣ и кафедральныя) города, естественно было желать, чтобы Переяславская кафедра была замѣщаема лицами имъ близкими, въ числѣ которыхъ могли находиться и—какъ знаемъ находились—и игумены патронируемаго ихъ родомъ Выдубицкаго монастыря. Но если въ виду сказаннаго представляется наивѣроятнѣйшимъ считать переяславскаго епископа Сильвестра, возведеннаго на кафедру 1-го января 1118 года, тѣмъ Сильвестромъ, который предъ симъ игуменствовалъ въ Выдубицкомъ монастырѣ, то почему *по такимъ же основаніямъ* не придти къ одинаковому заключенію и объ его предшественникѣ по кафедрѣ Лазарѣ (чему хронологическія данныя не противорѣчатъ)?

3) **Сильвестръ.** Съ именемъ этого игумена тѣсно связанъ весьма важный, вызвавшій громадную литературу, вопросъ о составителѣ нашей первоначальной лѣтописи.

Въ концѣ сей лѣтописи по списку монаха Лаврентія находится слѣдующая приписка:

„Игумень Силивестръ святаго Михаила написахъ книги си Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия то буди ми въ молитвахъ“.

Очень долгое время приписка эта понималась въ томъ смыслѣ, что игумень Сильвестръ былъ простымъ переписчикомъ первоначальной лѣтописи ¹⁾. Нѣкоторыми допускалась

¹⁾ Таково было пониманіе приписки *учеными*; *нѣкоторые* же древніе книжники держались иного мнѣнія. „Первыи нами властодержцы,—читаемъ въ Никоновой лѣтописи,—безъ гнѣва повелѣваючи вся добрая и недобрая прислужившаяся написовати... якоже при Володимерѣ Моно-

только возможность продолженія имъ означенной лѣтописи и въ крайнемъ случаѣ—внесеніе въ конечную ея часть нѣсколькихъ статей, видимо не принадлежащихъ перу лѣтописца (разсказъ объ ослѣпленіи Василько, поученіе Влади- міра Мономаха) ¹⁾.

Такое пониманіе Сильвестровой приписки находилось въ полной зависимости отъ прочно укоренившагося у насъ мнѣнія о преподобномъ Несторѣ Печерскомъ, какъ состави- тель первоначальной лѣтописи.

Мнѣніе это основывалось на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ.

а) Многіе списки первоначальной лѣтописи имѣють такое заглавіе:

„Повѣсть временныхъ лѣтъ *черноризца Теодосіева мана- стыря* Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля и хто в ней почаль пѣрвѣе княжити и откуда Руская земля стала есть“,—при чемъ въ нѣсколькихъ ²⁾ спискахъ къ слову чер- норизца присовокуплено и имя *Нестора*.

б) Въ лѣтописи по Воскресенскому списку, при извѣ- стіи объ открытіи мощей преп. Теодосія, лѣтописецъ заяв- ляетъ о себѣ: „азъ же грѣшный, *иже и лѣтописаніе се въ то время писахъ*, возьмъ рогалью“ и пр.; въ Патерикѣ же печер- скомъ этотъ самый лѣтописецъ, бывшій при открытіи мощей преп. Теодосія, названъ *Несторомъ*.

в) Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ Поликарпъ дважды— въ разсказахъ о Никитѣ затворникѣ и блаженномъ Агапитѣ

махъ онаго *великаго Селивестра Выдубецкаго, не украшая пишуцаго, аще хощеша прочти прилежно*“. Полное соб. лѣт. IX. 149.

¹⁾ См. Обзоръ русской духовной литературы преосв. Филарета, изд. 3, 1884 г. I, стр. 22.

²⁾ Въ *нѣсколькихъ* спискахъ по увѣренію Татищева (Исторія Россійская съ самыхъ древнихъ временъ, кн. I, ч. I, изд. 1786 г., стр. 60 и слѣд.). Въ настоящее время—сколько извѣстно—имя Нестора нахо- дится въ заголовкѣ одного, притомъ очевь поздняго списка Хлѣбни- ковскаго.

—называетъ преподобнаго Нестора *лѣтописцемъ*, причеиъ въ послѣднемъ случаѣ съ явнымъ, повидимому, указаніемъ, что подѣ его лѣтописью разумѣть *нашу первоначальную лѣтопись*, т. е. Повѣсть временныхъ лѣтъ („якоже блаженный Нестеръ въ *лѣтописци* написа о блаженныхъ отцехъ даііанѣ, переііи и матееи и ісаакіи“; срав. Повѣсть временныхъ лѣтъ подѣ 1074 годомъ) ¹⁾.

¹⁾ Извѣстный знатокъ нашихъ лѣтописей! А. А. Шахматовъ „думаетъ“, что Поликарпъ не имѣлъ *основанія* называть Несторовою Повѣсть временныхъ лѣтъ и что, слѣдовательно, лѣтописецъ Нестора, (о которомъ упоминаетъ Поликарпъ),—это (не дошедшая до насъ, но использованная составителемъ повѣсти) *Печерская лѣтопись*,—чѣмъ подтверждается предположеніе Костомарова о существованіи послѣдней (Житіе Антонія и Печерская Лѣтопись, въ Ж. М. Н. Просв., 1898 г. № 3, отд. 2, см. стр. 117). Мы позволимъ не согласиться съ уважаемымъ изслѣдователемъ, имѣя въ виду слѣдующее.

Повѣсть временныхъ лѣтъ ко времени Поликарпа должна была имѣть широкое распространеніе и, безъ сомнѣнія, находилась въ Печерскомъ монастырѣ (гдѣ списываніе книгъ особенно было распространено) даже не въ одномъ экземплярѣ. Повѣсть эта съ самаго начала своего составленія носила названіе *Лѣтописца* („написахъ книги си *Лѣтописецъ*“). Печерское преданіе усвоило ее преп. Нестору, что *заактировано* (письменно заявлено) было именно Поликарпомъ и что, главнымъ образомъ, и дало основаніе для дальнѣйшихъ по данному вопросу недоразумѣній (т. е., и въ то время ссылка понимаема была, какъ ссылка на „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, а не на предполагаемую Печерскую лѣтопись,—отсюда—мнѣніе о Несторѣ, какъ составителѣ означенной повѣсти).

Далѣе

Сѣтуя о забвеніи Печерскою обителію своихъ угодниковъ и желая восполнить этотъ пробѣлъ, Поликарпъ пишетъ Акидину: „аще бо азъ премолю отъ мене забвена будуть. а к тому не помянутся имена ихъ, яко же было и до сего дни. Се же речетъ въ *ѿ* лѣто твоего игуменства. еще *не бѣсть помяновенія* *ѿ* и *ѿ* *лѣтъ*. Нынѣ же твоеа ради любви угаеннаа а слышана быша“.

О чемъ здѣсь говорится?

Надо полагать, *не о времени* составленія не разъ упоминаемаго Поликарпомъ *житія преп. Антонія*,—какъ полагаетъ г. Шахматовъ,—но *о времени* занесенія въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ сказаній о нѣкоторыхъ Кіево-Печерскихъ угодникахъ. Въ Повѣсть сказанія о сихъ угодникахъ (о Даііанѣ и проч.) занесены *подѣ 1074 годолгъ*; присоединивъ

Но съ теченіемъ времени при прогрессирующемъ развитіи нашей исторической науки, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей обратившей особенное вниманіе на изученіе

къ сему числу лѣтъ еще 160 (указываемый Поликарпомъ промежутокъ времени отъ „непомяновеніа“) получится 1234-й годъ, каковой годъ можетъ считаться согласнымъ со временемъ настоятельства въ Печерской обители Акиндина (въ Лаврентьевской лѣтописи *подъ 1231-мъ годомъ* онъ упоминается какъ присутствовавшій при посвященіи въ Ростовскіе епископы Кирилла). Если же признать вполне вѣрнымъ (*документальнымъ*) указаніе преосв. Филарета о кончинѣ Досіея, предшественника Акиндина по печерскому настоятельству, *въ 1219 году*, т. е. за 15 лѣтъ до 1234 года, къ которому по указаннымъ соображеніямъ („се же речеса въ 15 лѣто твоего игуменства“) относится посланіе Поликарпа,—то во всемъ и „числа сходятся“. (А. А. Шахматовъ пишетъ: „Неясно, откуда преосвященный Филаретъ могъ заключить о смерти Досіея въ 1219 году“. Думаемъ, что онъ не имѣлъ документальныхъ относительно сего данныхъ, но руководствовался соображеніями, имѣющими источникъ и опору въ извѣстныхъ фактахъ: $1074 + 160 = 1234 - 15 = 1219$; т. е. руководствовался тѣмъ же, чѣмъ и мы. Поэтому означенное указаніе преосв. Филарета, будучи вѣрнымъ (я стою на своей точкѣ зрѣнія), не есть *документальное* въ настоящемъ значеніи этого слова).

Разумѣется, можно говорить, что и въ предполагаемой Печерской лѣтописи Нестора, которою пользовался составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, сказанія объ указанныхъ Печерскихъ угодникахъ читались тоже подъ 1074 годомъ; но разсказъ составителя Повѣсти подъ означеннымъ годомъ имѣеть столь существенныя отличія отъ несомнѣнно принадлежащаго Нестору сочиненія (житіе св. Феодосія), что г. Шахматовъ, отстаивая свою точку зрѣнія на Печерскую лѣтопись, долженъ былъ придти къ заключенію, что послѣдняя содержитъ въ себѣ только „обрывки первоначальнаго Несторова текста, который въ Печерской Лѣтописи вообще, надо полагать, былъ искаженъ или исправленъ“ („*кое-что* въ Печерской Лѣтописи было написано Несторомъ, что дало Поликарпу основаніе назвать Нестора лѣтописцемъ“).

Кромѣ указанной ссылки на Лѣтописца, „*иже написа Несторъ*“, Поликарпъ дѣлаеть еще двѣ ссылки на Лѣтописецъ, не опредѣляемый имъ при этомъ ближе (безъ упоминанія, что онъ писанъ Несторомъ).

А) Въ сказаніи о Моисеѣ Угринѣ, упомянувъ о смерти Болеслава и бывшемъ послѣ того мятежѣ въ лядской землѣ,—Поликарпъ говорить: „*яко же и въ лѣтописци повѣдаеть*“. Извѣстіе, сообщаемое Поликарпомъ, тождественно съ тѣмъ, которое читается въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ 1030 годомъ, поэтому въ поясненіи не нуждается.

Б) Въ сказаніи о Пименѣ многострадальномъ, между прочимъ, говорится: „*во время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею и оттуда на верхъ церкви придоша. о нихъ же речено бысть*

нашихъ лѣтописей, означенное мнѣніе о препод. Несторѣ, какъ составителѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, было сильно поколеблено. Внимательное (детальное) изученіе означенной

въ лѣтописци. съвѣсть же Господь знаменіе сіе показавши, или сего ради блаженнаго или иное кое смотрѣніе Божіе бысть“.

Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, подь 1110 годомъ, означенное явленіе передается въ другой версіи. „Явіся—читаемъ здѣсь—*столпъ огненъ* отъ земля до небеси, а молнія освѣтиша всю землю, и в небеси погромѣ в часъ 1 ноци;... сей же столпъ первѣе ста на трапезниці каменѣй, яко не видѣти бысть креста, и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Θεодосіевымъ, и потомъ ступи на верхъ аки ко востоку лицемъ, и потомъ невидимъ бысть. Се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ; ангель бо сице является, ово столпомъ огненнымъ, ово же пламенемъ.. Тако и се явленье нѣкоторое показываше, ему же бѣ быти, еже и бысть: на 2-е бо лѣто не съ ли ангель вожь бысть на иноплеменники и супостаты“?...

Это различіе между Поликарпомъ и составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ даетъ основаніе г. Шахматову думать, что у того и другого былъ одинъ источникъ—Печерская Лѣтопись, гдѣ „дѣйствительно говорилось о трехъ столпахъ“. „Поликарпъ держался ближе къ источнику, а составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ (или, можетъ быть, позднѣйшій редакторъ), признавшій чудесное явленіе за явленіе ангела, не точно передалъ извѣстія своего источника, сказавъ объ одномъ столпѣ вмѣсто трехъ“.

Мы полагаемъ, во 1-хъ, что составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ не имѣлъ нужды въ особомъ источникѣ для занесенія въ свою лѣтопись означеннаго явленія, такъ какъ былъ если не очевидцемъ, то современникомъ этого для него *мѣстнаго* (или, точнѣе, почти мѣстнаго явленія) разносимаго притомъ стоустою молвою. Во 2-хъ, указаннымъ отклоненіямъ Поликарпа отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ г. Шахматовъ придаетъ слишкомъ большое значеніе, какого они, по нашему мнѣнію, имѣть не могутъ, такъ какъ легко объяснимы, причемъ ключъ къ уразумѣнію главнаго отклоненія даетъ самъ Поликарпъ.

а) Въ повѣсти временныхъ лѣтъ говорится объ одномъ столпѣ, но перемѣнившемъ *три мѣста*; отсюда при сокращенномъ, сравнительно съ Повѣстью, изложеніи (а оно очень сокращенное: не говорится не только о громѣ и молніи, но и томъ, что столпы или столпы были *огненные*) Поликарпу легко было допустить указанную неточность.

б) *Существенное* отклоненіе въ толкованіи причины чудеснаго явленія столповъ, безъ сомнѣнія, было *сознательное*. Поликарпу, всемѣрно заботившемуся о прославленіи Кіево-Печерскихъ угодниковъ, *желательно было связать чудесное явленіе въ Печерской обители съ фактомъ кончины многострадалнаго Пимена*, что онъ дѣлаетъ, но такъ какъ дѣлаетъ вопреки источника, на который самъ же ссылается, то выражается

„Повѣсти“ привело къ констатированію нижеслѣдующихъ положеній:

Во 1-хъ, что между первоначальною лѣтописью и сочиненіями, несомнѣнно принадлежащими преп. Нестору (житіе

очень осторожно, ставя какъ бы вопросительный знакъ. „Свѣтъ же Господь,—говоритъ онъ,—знаменіе сіе показавый или сію ради блаженною или ино какое смотрѣніе Божіе бысть“. Послѣднія слова явственно показываютъ, что Поликарпу извѣстно было и иное толкованіе явленія, а отсюда, при указанной ссылкѣ на лѣтописецъ (=Повѣсть временныхъ лѣтъ) явствененъ и его источникъ.

Не касаясь другихъ соображеній автора по данному вопросу, кои, послѣ сдѣланныхъ разъясненій, не имѣютъ существеннаго значенія, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь еще одно (имѣющее общій интересъ) свое разногласіе съ г. Шахматовымъ.

При рѣчахъ о той же предполагаемой Печерской Лѣтописи и попыткахъ опредѣлить ея содержаніе г. Шахматовъ высказываетъ предположеніе, что въ означенной лѣтописи въ разсказѣ о перенесеніи мощей препод. Θεодосія читалось: не „*пояхъ съ собою 2 брата*“, какъ это читается въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а „*пояхъ съ собою Марка*“. „Что 2 брата,—говоритъ почтенный изслѣдователь,—не принадлежать въ текстъ, читаемомъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первоначальной редакціи видно, какъ изъ того, что авторъ повѣствованія, по повелѣнію игумена, долженъ былъ взять съ собою не двухъ, а одного монаха („не мози повѣдати никому же отъ брата; но поими его же хочещи, да ти поможетъ“), такъ и изъ дальнѣйшаго разсказа, гдѣ видно, что *при повѣствователѣ былъ только одинъ помощникъ*“. —Маркъ, по сказанію Поликарпа, жилъ въ Печерскомъ монастырѣ въ означенное время и его взять съ собою повѣствователю означеннаго разсказа было тѣмъ естественнѣе, что онъ постоянно копалъ пещеры, приготовляя мѣста для погребенія умершихъ братій.

Толкованіе, по нашему мнѣнію, весьма сомнительное.

Устраняя одно затрудненіе (замѣняя двухъ братьевъ однимъ), оно созидаетъ другія; ибо если авторъ повѣствованія имѣлъ взять съ собою (и взялъ) Марка, то зачѣмъ онъ занимался сооруженіемъ рогацій, „ими же копати“, т. е. такихъ орудій, которыя должны были въ изобиліи находиться у означеннаго Марка, *какъ гробокопателя?* Не потому ли авторъ повѣствованія и не обратился къ Марку за содѣйствіемъ, что это обращеніе къ нему, какъ гробокопателю, могло остановить на себѣ вниманіе братій и такимъ образомъ тайна, требуемая игуменомъ при открытіи мощей св. Θεодосія, не достаточно была бы обезпечена?—*Это первое.* А затѣмъ, самая замѣна словъ начальнаго (предполагаемаго) текста. „*пояхъ съ собою Марка*“,—словами: „*пояхъ съ собою 2 брата*“, какъ то плохо укладывается въ головѣ.

Бориса и Глѣба, житіе преп. Θεодосія), существуютъ не только несогласія, но и прямыя противорѣчія, важнѣйшее изъ которыхъ таково: Несторъ въ житіи преп. Θεодосія совершенно ясно говоритъ о себѣ, что онъ пришелъ въ Печерскую обитель *послѣ смерти Θεодосія, при ево преемникѣ, Стефанѣ*—„принять же быхъ вѣнь“—печерскій монастырь—„прѣподобнымъ игуменѣмъ Стефанѣмъ. и якоже отъ того остриженъ былъ и мнишескыя одежа съподобленъ. паки же и на дияконьскыи санъ отъ него изведенъ сый“) 1), между тѣмъ составитель лѣтописи столь же ясно и опредѣленно говоритъ, что онъ пришелъ въ означенный монастырь еще *при жизни Θεодосія и къ нему самому* („къ нему же“—Θεодосію— „и азъ придохъ худый и не достойный рабъ, и *пріятля мѣтъ ми суцѣ 17 отъ роженья моего*) 2).

Въ 2-хъ, что Повѣсть временныхъ лѣтъ есть лѣтописный сводъ, каковое мнѣніе (положеніе), давно,—по крайней мѣрѣ со времени Строева,—высказывавшееся, получило нап-

Нельзя-ли выдти изъ затрудненія гораздо проще и естественнѣе?

Мы полагаемъ, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ *нѣтъ неправильности въ даннои мѣстѣ*: „пояхъ съ собою 2 брата“; неправильно только всеми читается это мѣсто. Нужно читать: не „пояхъ съ собою два брата“, а „пояхъ съ собою *другаю брата*“.

Что такое чтеніе не будетъ въ противорѣчіи съ древнею орографіею, приведу параллельныя мѣста изъ Лаврентьевской Лѣтописи и Лѣтописца Переяславля Суздальскаго, составленнаго въ началѣ XIII вѣка (между 1214—1219 гг.).

Лѣтопись по Лаврентьевскому списку (изд. 3, 1897 г.) стр. 19.

„Старѣйший, Рюрикъ, сѣдѣ Новѣгородѣ, а *другий*, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а *третій* Изборьскъ, Труворъ“.

Лѣтописецъ Переяславскій.

(Москва, 1851 г.) стр. 5.

„и сѣдѣ старшіи въ Ладозѣ Рюрикъ, 2 Синеоусъ на Беле езере, 3 Труберъ въ Изборьскѣ“.

Разумѣется, число подобныхъ параллельныхъ мѣстъ можетъ быть увеличено.

1) Рукоп. Синод. библ. 12 в., изд. во 2-й кн. Чтен. Имп. Об. Ист. Древ. Рос. за 1891 г. (стр. 45).

2) Лѣтоп. по Лаврен. списку, изд. 3, стр. 156. О другихъ несогласіяхъ см. у С. П. Казавскаго, впервые ихъ ярко выставившаго.

болѣ сильную аргументацію въ прекрасныхъ изслѣдованіяхъ М. И. Сухомлинова („О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ“, въ Ученыхъ Запискахъ второго отдѣл. Импер. Акад. наукъ, т. III, 1856 г.) и особенно Бестужева Рюмина („О Составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в.“ СПБ. 1868).

Въ связи съ развитіемъ и обоснованіемъ означенныхъ положеній вопросъ о составителѣ лѣтописи вступилъ—какъ мы упомянули—въ новую стадію.

Правда, сторонники Нестора, какъ составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ, находились и теперь, но ряды ихъ постепенно рѣдѣли, и въ настоящее время многими уже учеными мнѣніе это не раздѣляется, хотя ими дѣлается уступка и Нестору: ему приписывается составленіе Печерской лѣтописи, которая въ той или иной передѣлкѣ (якобы) вошла въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, чѣмъ и объясняется обиліе въ послѣдней свѣдѣній о Печерскомъ монастырѣ.

Послѣ такой перемѣны мнѣнія о Несторѣ, какъ первоначальномъ лѣтописцѣ, взоры изслѣдователей естественно обратились къ игумену св. Михаила Сильвестру, сдѣлавшему въ 1116 году извѣстную приписку. Одинъ изъ первыхъ высказалъ очень вѣское мнѣніе о Сильвестрѣ, не какъ о простомъ переписчикѣ лѣтописи, академикъ И. И. Срезневскій. „Припомнимъ—говорить онъ,—что Повѣсть временныхъ лѣтъ составлена не ранѣе 1113 года (года смерти Святополка, которымъ оканчивается хронологическая таблица, обозначаемая лѣтописью) и не позже 1116 года... Игумень важнаго монастыря кіевскаго, чрезъ два года позже возведенный въ санъ епископа Переяславскаго и менѣе чѣмъ чрезъ пять лѣтъ послѣ того скончавшійся, могъ ли заняться перепискою чужого труда, чуть не непосредственно послѣ его составленія, если и могъ, то только потому развѣ, что самое содержаніе книги его занимало особенно; и если же оно его особенно занимало, если особенное вниманіе привлекали

дѣла минувшихъ дней земли родной, то онъ долженъ былъ съ ними познакомиться въ первый разъ не тогда, когда взялся за написаніе книги въ 1116 году, а ранѣе, и по тогдашнему состоянію занятій исторіею при личномъ участіи въ собраніи фактовъ. Если же онъ лично собиралъ факты, то могъ ли онъ оставить и лѣтописный сводъ, при перепискѣ его, безъ всякихъ измѣненій, безъ дополненій? Возможно, слѣдовательно, заключить, что въ Повѣсти временныхъ лѣтъ есть хоть что нибудь Сильвестрово. Ни что вмѣстѣ съ тѣмъ не мѣшаетъ предполагать, что и весь сводъ, какъ онъ есть, составилъ онъ самъ, т. е. собралъ въ одно цѣлое всѣ частныя сказанія, какія только могъ найти, и потому опустилъ, между прочимъ, то, чего бы не опустилъ, если бы писалъ въ Печерскомъ монастырѣ, слѣдя за всѣми его событіями¹⁾.

Н. И. Костомаровъ съ увѣренностью говоритъ объ игуменѣ Сильвестрѣ, какъ составителѣ первоначальной лѣтописи, но доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія (кромѣ ссылки на извѣстную приписку Сильвестра) не приводитъ²⁾. Вестужеву-Рюмину „только одно соображеніе (ранѣе высказанное Бутковымъ) кажется трудно совмѣстимымъ съ представленіемъ о Сильвестрѣ, какъ составителѣ лѣтописнаго свода,—именно: „почему такъ мало извѣстій о Михайловскомъ монастырѣ? *Игуменъ св. Михаила не могъ не замѣтить времени ея построенія*“. (Соображеніе, ослабляемое предполагаемыми нами обстоятельствами, вызвавшими появленіе монастыря, сформировавшагося незамѣтно; крупные же факты въ исторіи монастыря: заложеніе церкви и ея освященіе отмѣчены, что по отношенію къ другимъ церквамъ и монастырямъ далеко не всегда дѣлается).

Такимъ образомъ, вопросъ о знаменитомъ отцѣ нашей исторіографіи доселѣ остается открытымъ или, какъ выра-

¹⁾ Чтен. о древ. лѣтописи (Записки Акад. Наукъ, т. II. 32—33).

²⁾ Лекціи по русской Исторіи. Спб. 1861 г.

жається Е. Е. Голубинскій, *не совсемъ рѣшенимъ вопросомъ*,— причемъ самъ Голубинскій полагаетъ, что „выраженіе *написавъ*, а не *переписавъ*, скорѣе въ пользу того, что Сильвестръ *мтотписецъ*, чѣмъ что онъ только *переписчикъ*“.

Разумѣется, ссылкой на авторитеты означенный вопросъ не уяснится: для наклоненія вѣсовъ въ ту или иную сторону нужны новыя данныя и соображенія.

Рѣшительно стоя на сторонѣ Сильвестра, какъ составителя нашей первоначальной лѣтописи, мы въ подкрѣпленіе своего мнѣнія имѣемъ сказать слѣдующее:

а) Подъ 1096 годомъ въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ находится сказаніе о нашествіи Боняка съ половцами на Печерскій монастырь. Разказавъ съ нѣкоторыми подробностями объ означенномъ нападеніи и глумленіи („словесахъ хульных“) безбожныхъ сыновъ Измаильскихъ („кдѣ есть Богъ ихъ, да поможетъ имъ и избавить я“?),—повѣствователь обращается къ разсужденіямъ общаго характера, заканчивая свою рѣчь мольбою къ Богу о наказаніи поганыхъ хулителей. Приведемъ его рѣчи по этому поводу съ однимъ намѣреннымъ (скобами обозначаемымъ) пропускомъ: „Не вѣдуще (хулители)—говорить повѣствователь,—яко Богъ кажетъ рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено в горну: хрестьяномъ бо многими скорбми и напастми внити в царство небесное, а симъ поганымъ и ругателемъ на семь свѣтѣ примшимъ веселье и пространство, а на ономъ свѣтѣ примуть муку с дьяволомъ и огнь вѣчный. [

]. Тѣмже и мы, послѣдующе пророку Давыду, воіемъ: Господи Боже мой! положи я, яко коло, яко огонь предъ лицомъ вѣтру, иже попаляеть дубравы, тако пожени я бурею твоею, исполни лица ихъ досаженья; *се бо оскверниша и пожгоша святыи домъ твой и ма-*

настарь Матере твоея, и труше рабъ твоихъ; убиша бо нѣколико отъ братья нашея оружьемъ безбожнии сынове Измаилеви, пущени бо на казнь хрестьяномъ“.

Приведемъ теперь намѣренно нами сдѣланный (отмѣченный скобами) пропускъ: „Тогда же зажгоша дворъ Красный, его же поставилъ благовѣрный князь Всеволодъ на холму, нарѣцаемѣмъ Выдобычи: то все окаянии Половци запалиша огнемъ“.

Не смотря на довольно искусное приспособленіе, вставка чувствуется явственно, какъ прерывающая логическое теченіе мыслей составителя сказанія. Но если такъ, то—по крайней мѣрѣ—скромное предположеніе Срезневскаго, что Сильвестръ не былъ простымъ переписчикомъ лѣтописи, а кое гдѣ могъ ее измѣнять и дополнять, находить фактическое подтвержденіе.

Но мы полагаемъ, что при внимательномъ изученіи лѣтописи въ этомъ направленіи можно идти и далѣе.

б) По нашему мнѣнію, прекрасное изслѣдованіе Бестужева-Рюмина (О составѣ русскихъ лѣтописей) не чуждо и существеннаго недостатка—*односторонности*. Авторъ *исключительно* сосредоточиваетъ свое вниманіе на выясненіи составныхъ частей лѣтописи (зачастую довольствуясь при этомъ приблизительною вѣроятностію) и совсѣмъ отказывается опредѣлить степень личнаго участія составителя лѣтописи при его работѣ, считая это даже невозможнымъ („степень личнаго участія составителя въ этомъ трудѣ,—т. е. лѣтописномъ сводѣ,—*опредѣлить пока невозможно*“). Но внимательное изученіе нашей первоначальной лѣтописи не вполне оправдываетъ такой скептицизмъ.

Послѣ этой предварительной замѣтки возвращаемся къ прерванной рѣчи.

Въ лѣтописи подъ 1054 годомъ читаемъ:

„Преставися великий князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: „се азъ от-

хожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте в собѣ любовь, по-
неже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете
в любви межю собою, Богъ будеть в васъ, и покорить вы
противныя подъ вы, и будете мирно живуще; *аще ли будете
ненавидно живуще, в распряхъ и которающесея*, то погыбнете са-
мі, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже на-
лѣзоша трудомъ своимъ великимъ; но пребывайте мирно,
послушающе братъ брата. Се же поручаю в себе мѣсто столь
старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ,
*сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будеть в мене
мѣсто*; а Святославу даю Черниговъ, Всеволоду Переяславль
а Игорю Володимеръ, а Вячеславу Смолинескъ“. И тако раз-
дѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ *не преступати предъла брата,
ни слонити*, рекъ Изяславу: *аще кто хочеть обидѣти брата
своего, то ты помагай, его же обидятъ*; и тако уряди сыны своя
-пребывати в любви“.

Разумѣется, въ приведенномъ разсказѣ все естественно.
Умирающему отцу свойственно говорить дѣтямъ подобныя
рѣчи, призывающія ихъ ко взаимной любви и единенію. Но
едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что лѣтописецъ, *влагая
въ уста Ярослава такія рѣчи*, имѣлъ при этомъ въ виду со-
временныя ему событія и *преслѣдовалъ цѣли практическія*: же-
лалъ, при постоянныхъ распряхъ князей, преподать имъ доб-
рый совѣтъ и вообще дать извѣстное, согласное съ его воз-
зрѣніями, направленіе общественному мнѣнію. Въ приведен-
номъ разсказѣ мы видимъ не столько то, что говорилъ дѣ-
тямъ Ярославъ, сколько то, что—согласно съ воззрѣніемъ
лѣтописца—*онъ долженъ былъ говорить имъ*.

Подъ 1093 годомъ лѣтописецъ, при разсказѣ о кончинѣ
Всеволода и его характеристикѣ, приводитъ рѣчь Ярослава,
обращенную исключительно къ этому его сыну. „Сыну мой,
(повторяемъ эту небольшую рѣчь, приведенную нами выше)
благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты
покоиши старость мою; *аще ти подасть Богъ прияти власть*

стола моего, по брати своей, с правдою, а не с насильемъ, тогда Богъ отведетъ тя отъ житья сею, да ляжеша, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче брати твоее“. „Се же сбысться—замѣчаетъ лѣтописецъ—глаголь отца его, якоже глаголаше бѣ“ (Всеволодъ похороненъ былъ, какъ мы сказали, въ Кіево-Софійскомъ храмѣ, гдѣ и его отецъ).

Здѣсь уже далеко не все естественно. Естественно, разумѣется, желаніе отца, чтобы любимый сынъ былъ похороненъ въ одномъ мѣстѣ съ нимъ. *Но детали, которыми обставляется влагаемая въ уста Ярослава рѣчь*, выражающая это желаніе, видимо искусственны. Какъ бы *futuro providendo*, Ярославъ предполагаетъ смерть одного сына, которому онъ предоставилъ Кіевъ, потомъ—смерть другого, имѣвшаго быть ему преемникомъ, и затѣмъ, усматривая на великокняжескомъ столѣ Всеволода, преподаетъ ему упомянутое званіе (быть похороненнымъ въ Кіево-Софійскомъ храмѣ)... Для какой цѣли введена въ лѣтопись эта, очевидно *post factum* сочиненная рѣчь?... Чтобы рельефнѣе изобразить любовь Ярослава къ Всеволоду? Но дляэтого не было нужды прибѣгать къ искусственному сочинительству, при томъ о такой любви лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ заявилъ уже съ достаточною опредѣленностію („бѣ бо—Всеволодъ—любимъ отцемъ паче всея брати, его же имяше присно у себе“). *Очевидно, центръ тяжести въ упомянутомъ разсказѣ сосредоточивается на фактѣ погребенія Всеволода въ Кіево-Софійскомъ храмѣ,—фактѣ, по мнѣнію лѣтописца, требовавшемъ нарочитаго объясненія.*

Потребность въ такомъ нарочитомъ объясненіи со стороны составителя лѣтописи и освѣщаетъ его личность: свидѣтельствуемъ о немъ, *какъ о чловѣкѣ ближайшимъ образомъ заинтересованномъ дѣлами, касающимися Выдубицкой обители.*

Дальнѣйшія рѣчи имѣютъ цѣлію уяснить сказанное.

Всеволодъ, какъ мы знаемъ, считался выдающимся благотворителемъ Выдубицкой обители, преимущественно какъ создатель каменной въ ней церкви. Обычно, храмозда-

тели избирали мѣстомъ своего вѣчнаго успокоенія сооруженные ими храмы (для чего иногда и воздвигали ихъ). Всеволодомъ построены были въ Кіевѣ двѣ церкви—наша Выдубицкая и другая—Андреевская. Но послѣдняя была построена для женскаго монастыря, вѣроятно, по просьбѣ Янки, дочери Всеволода, гдѣ она и была пострижена. Братіи Выдубицкаго монастыря естественно было ожидать, а тѣмъ болѣе желать, чтобы сооруженная Всеволодомъ въ ихъ обители церковь была его усыпальницею. Однако чаяніямъ этимъ не суждено было осуществиться: Всеволодъ, какъ мы видѣли, похороненъ былъ въ Кіево-Софійскомъ храмѣ. Чѣмъ бы не объяснять послѣднее (тѣмъ ли, что Всеволодъ предпочелъ Софійскій храмъ, построенный его отцомъ, Выдубицкому монастырю, ктиторомъ котораго онъ не былъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, или дѣйствительно желаніемъ быть положеннымъ рядомъ съ отцомъ, и т. п.), дѣло безразличное: для насъ важно, что это обстоятельство должно было вызвать, по соображеніямъ вполне понятнымъ, *огорченіе* въ средѣ иноковъ Выдубицкой обители, и, безъ сомнѣнія, возбудило тѣ или иные толки, между коими могли слышаться ноты неблагоприятныя для обители. Лѣтописецъ даетъ означенному обстоятельству извѣстное намъ разъясненіе, ограждающее обитель отъ нежелательныхъ для нея комментаріевъ. Если признать, что достигается это не безъ нѣкаго довольно явственнаго сочинительства, къ которому при томъ лѣтописецъ прибѣгаетъ имѣя въ виду *частныя интересы*,—именно, интересы *Выдубицкой обители*,—то кому, какъ не лицу, близко стоящему къ сей обители, естественнѣе всего приписать означенное разъясненіе?

Предвидимъ возраженіе.

Освѣщая подобнымъ образомъ указанныя рѣчи лѣтописца, не приписываемъ ли мы ему слишкомъ большія дипломатическія способности?

Разумѣется, если подобно Бестужеву Рюмину, смотрѣть на лѣтописца, какъ на простаго сводчика разнообразныхъ источниковъ, а индѣ зауряднаго компилятора, приче́мъ степень личнаго его участія въ трудѣ не можетъ быть опредѣлена, означенное возраженіе должно признать имѣющимъ существенное значеніе.

Но мы держимся иного взгляда на древняго лѣтописца: примыкаемъ къ тѣмъ изслѣдователямъ, которые имѣютъ о немъ высокое представленіе, какъ человѣкѣ „мыслящемъ“, „въ повѣствованіи многими чертами обнаруживающемъ свои *понятія и чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности“. Къ этому прибавимъ, что считаемъ его, выражаясь языкомъ современнымъ, нелишеннымъ и большихъ дипломатическихъ способностей.

Выше мы имѣли уже случай отмѣтить прикровенныя рѣчи лѣтописца объ юныхъ любимцахъ князя Всеволода, которые, отстранивъ прежнихъ совѣтниковъ князя, Всеволоду о томъ „не вѣдущу“,—сильно угнетали народъ. Въ этихъ прикровенныхъ рѣчахъ, какъ мы сказали, слышится явственный намекъ на младшаго Всеволодова сына Ростислава,—человѣка, по сохранившимся даннымъ, очень не высокихъ нравственныхъ качествъ, о чемъ лѣтописцу хорошо было извѣстно (злодѣяніе, учиненное надъ преп. Григоріемъ чудотворцемъ) и о чемъ онъ однако умалчиваетъ.

Приведемъ другой примѣръ болѣе внушительный и, безъ сомнѣнія, потребовавшій отъ лѣтописца, при составленіи его труда, большей осторожности и искусства.

Предварительно замѣтимъ, что вопросъ, о которомъ предстоитъ намъ говорить, довольно сложенъ и, благодаря совершенно новой постановкѣ, которую мы ему даемъ, требуетъ обстоятельныхъ рѣчей. Отлагая эти обстоятельныя рѣчи до будущаго времени, мы въ настоящее время намѣ-

тимъ только общіе штрихи, однако вполне достаточные для намѣченной нами цѣли.

Мы имѣемъ въ виду *дипломатическія* (по нашему мнѣнію) рѣчи лѣтописца о сыновьяхъ Владиміра святого, точнѣе о Борисѣ и Глѣбѣ, ради которыхъ такія рѣчи и ведутся.

О сыновьяхъ Владиміра лѣтописецъ говоритъ: а) *подъ 980 годомъ*: „Вѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогънѣдъ, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предъславино, отъ неяже роди 4 сыны: Изеслава, Мъстислава, Ярослава, Всеволода, а 2 дщери; отъ Грекинѣ Святополка; отъ Чехинѣ Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мъстислава; а отъ *Бомарыни Бориса и Глѣба*“. и б) *подъ 988 годомъ*:... „Володимеръ просвѣщенъ (чрезъ принятіе христіанства) самъ, и сынове его, и земля его. Вѣ бо у него сыновъ 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мъстиславъ, *Борисъ, Глѣбъ*, Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ. И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава Полотъскѣ, а Святополка Туровѣ, а Ярослава Ростовѣ; умершю же старѣйшему Вышеславу Новѣгородѣ, посадиша Ярослава Новѣгородѣ, а *Бориса Ростовъ, а Глѣба Муромъ*, Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимерѣ“.

Время рожденія сыновей Владиміра лѣтописецъ не только *не обозначаетъ* (что онъ если не всегда, то часто дѣлаетъ относительно сыновей Ярослава и послѣдующихъ князей)¹⁾, но говоря о нихъ *подъ означенными годами*, какъ бы намѣренно игнорируетъ хронологическія даты по этому вопросу.

¹⁾ Въ лѣтописи *подъ 6528 г. (1020)* читаемъ: „родися у Ярослава сынъ, и нарече ему имя Володимеръ“; *подъ 6532 (1024)*: „Въ томъ лѣтѣ родися у Ярослава другой сынъ, и нарече ему имя Изяславъ“; *подъ 6535 г. (1027)*: „родися третій сынъ Ярославу, и нарече имя ему Святославъ“; *подъ 6538 (1030)*: „И родися Ярославу четвертый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ“.

Разумѣется, возможно предположеніе, что онъ поступаетъ такъ по неимѣнію у него надлежащихъ свѣдѣній. Но не забудемъ, что у автора „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ были подъ руками лѣтописныя замѣтки *предшествующаго времени* [на основаніи которыхъ онъ могъ отмѣтить годъ женитьбы Игоря, а одинъ изъ его современниковъ, если не самъ онъ, годъ рожденія Святослава] ¹⁾ и получалъ свѣдѣнія отъ давнихъ „старожиловъ“, между которыми былъ такой „братъ (Геремія), иже помняше крещеніе земли Руськой“.

Мы полагаемъ, что лѣтописецъ имѣлъ свѣдѣнія не только о томъ, отъ какихъ женъ родились сыновья Владимира, но и о времени ихъ рожденія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—не коснулся же онъ послѣдняго вопроса (искусственно его обошелъ) по побужденіямъ характера дипломатическаго, *охраняя память св. Владимира*, какъ по тѣмъ же или, точнѣе, по однороднымъ побужденіямъ, поступали и другіе современные ему писатели.

Соображенія наши по означенному вопросу и данныя, на которыхъ они основываются, суть слѣдующія:

1) Извѣстно „Сказаніе страстей и похвала объ убіенію святыю мученику Бориса и Глѣба“, принадлежащее перу Іакова монаха и составленное около 1072 года. Оно содержитъ разсказъ объ упомянутомъ убіеніи съ нѣкоторыми добавочными статьями, но не говоритъ *о рожденіи и начальныхъ годахъ жизни мучениковъ*: не имѣетъ *формы житія*.

Почему?

„Трудно сказать,—говоритъ Е. Е. Голубинскій,—почему монахъ Іаковъ, выступая какъ первый составитель сказаній о святыхъ, не искалъ чести быть ихъ первымъ настоящимъ жизнеописателемъ. Вѣроятно, онъ еще не отважился совсѣмъ подражать образцамъ греческимъ, не чувствуя въ себѣ силъ состязаться съ ними“.

¹⁾ Годъ рожденія Святослава указанъ въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи; въ Лаврентьевскомъ этого указанія нѣтъ.

Обьясненіе, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворительное. Но пойдѣмъ далѣе.

2) Извѣстно „Чтеніе о житіи и погубленіи блаженую страсготерпцу Бориса и Глѣба“, принадлежащее перу Нестора и написанное послѣ сказанія монаха Такова. Это Нестерово сочиненіе „представляетъ у насъ первый опытъ настоящаго житія“. Оно, „представляя собой подражаніе житіямъ греческимъ, носитъ ихъ характеръ и страдаетъ ихъ недостатками“. Но имѣется и существенное отличіе житія Нестора отъ житій греческихъ. Онъ не говоритъ о рожденіи Бориса и Глѣба, а прямо начинается рѣчи съ ихъ дѣтства.

Почему?

„По всей вѣроятности потому,—говоритъ Е. Е. Голубинскій,—что по рожденію Борисъ и Глѣбъ еще принадлежали язычеству, и что такимъ образомъ оно, не представляя никакихъ данныхъ для рѣчей, исполненныхъ назиданія, было еще, такъ сказать, внѣ и по ту сторону сферы житійской“.

Обьясненіе еще менѣе удовлетворительное.

3) Не говоря о рожденіи Бориса и Глѣба, Нестерово житіе однако даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ возрастѣ,—именно, въ немъ повѣствуется о нихъ, какъ о младшихъ сыновьяхъ Владиміра: „пусти же благовѣрныи князь сыны свои, кождо на свою область, а святу сею Бориса и Глѣба у себе держаше, занеже единаче *дѣтеска бѣста*,—причемъ говорится, что между Борисомъ и Глѣбомъ по лѣтамъ была не незначительная разница“: бѣ же Глѣбъ *вельми дѣтескъ*, а блаженный Борисъ въ *разумъ съ*. исполнь благодати Божия. внимаше бо книги и чтяше, баше бо и грамотѣ наученъ“.—Въ житіи сообщается о Борисѣ, что онъ, возросши („преспѣвша верстою“), по настоянію отца, вступилъ въ бракъ, чего о Глѣбѣ не говорится. (Припомнимъ обычный возрастъ для вступленія въ то время въ супружество).

4) Какъ объ юношахъ, говорится о Борисѣ и Глѣбѣ и въ службѣ о нихъ, составленной митрополитомъ Іоанномъ.

„Младъ убо тѣломъ“—читаемъ здѣсь,—„душама же купно святая“...

„*и ношескы* храборовавъша. и мужьскы побѣдивъша злаго ратоборца“...

5) У Владиміра отъ Рогнѣды было четыре сына и двѣ дочери. Если даже предположительно допустимъ, во 1-хъ, что дочери родились позднѣе сыновей, во 2-хъ, сыновья были погодки, и въ 3-хъ, что сожителство Владиміра съ Рогнѣдою началось нѣсколько ранѣе, чѣмъ указываетъ лѣтописецъ, то и при этихъ натяжкахъ, мы рожденіе одного только Бориса можемъ приурочить ко времени до принятія крещенія, т. е. до 987-го или, по лѣтописи, 988 года.

6) „По святомъ крещеніи поживе блаженный князь Владиміръ 28 *лѣтъ*“. Слѣдовательно, если бы Борисъ и Глѣбъ рождены были до Владимірова крещенія, то второму изъ нихъ, младшему, было бы не менѣе 28 лѣтъ, а старшему около 35-ти. Не будетъ-ли это находиться въ противорѣчій съ вышеизложеннымъ?—

Въ связи съ указанными данными выдвигаются и могутъ получить иное освѣщеніе (иначе могутъ быть уясняемы) и слѣдующіе факты.

а) Въ лѣтописи подь 1072 годомъ повѣствуется о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба въ новую церковь. Когда при этомъ открыта была рака и церковь наполнилась благоуханія, „митрополита ужасть обиде, *бъ бо нетвердъ въ рою к нима*“.

Не можетъ ли нетвердость вѣры митрополита въ святости Бориса и Глѣба быть объясняема рожденіемъ ихъ отъ Болгарыни въ то время, когда сожителство съ нею Владиміра было дѣломъ грѣховнымъ?

б) Владиміръ, *просвѣтитель Руси*, „былъ причисленъ къ лику святыхъ не тотчасъ послѣ своей смерти и даже весьма не скоро“.

Чѣмъ объяснить это прямо бросающееся въ глаза обстоятельство?

Задавшись означеннымъ вопросомъ, нашъ знаменитый церковный историкъ отвѣчаетъ на него такъ.

„Что было этому причиною, говорить онъ, не можемъ сказать положительно, но съ вѣроятностію предполагаемъ, что она заключалась въ его изобильныхъ пирахъ. Память о нихъ долго жила въ народѣ, и они то могли смущать, затруднять совѣсть народную признать Владимира святымъ“, и только тогда, когда „эта память совѣмъ исчезла, оставшись только въ былинахъ народныхъ“, онъ (въ концѣ XII или въ началѣ XIII в.) и былъ канонизованъ ¹⁾.

Не думаемъ.

Гостепріимство искони было въ обычаяхъ (такъ сказать, въ натурѣ) у русскаго человѣка,—и къ пирамъ во славу Божію, не говоря о простомъ народѣ, даже духовенство относилось снисходительно, иногда—пожалуй—одобрительно, о чемъ нѣкоторыя указанія можно находить въ лѣтописи (князь учинилъ въ монастырѣ „пиръ не малъ и трапезу съ приготовленіемъ“). Даже такой аскетъ, какъ преп. Феодосій, не чуждъ былъ этого гостепріимства (чудесное появленіе меда при посѣщеніи Печерской обители княземъ Изяславомъ).

Не естественнѣе ли объяснять медлительность въ канонизаціи Владиміра съ точки зрѣнія вышеизложеннаго?

Къ сказанному считаемъ не лишнимъ присовокупить слѣдующее.

Владиміръ принялъ крещеніе около 30 лѣтъ отъ роду. Въ это время онъ имѣлъ нѣсколько женъ. Въ какія отношенія онъ долженъ былъ стать къ нимъ? Какъ поступить съ ними?

Е. Е. Голубинскій считаетъ этотъ вопросъ *очень неважнымъ* и рѣшаетъ его просто: *всѣхъ отослалъ отъ себя*,—при-

¹⁾ Исторія рус. церкви Е. Е. Голубинскаго. Первая половина I т. изд. 2, стр. 185.

чемъ однѣхъ, которыя хотѣли замужъ, можно думать, выдать замужъ, а другимъ, которыя не хотѣли идти замужъ, устроилъ приличное существованіе ¹⁾).

Мы, напротивъ, думаемъ, что это вопросъ очень важный, долженствовавшій быть для Владиміра наиболѣе сложнымъ при принятіи имъ крещенія, можно сказать *роковымъ*, такъ такъ неизбѣжно вызывалъ драмы и *семейныя* и *сердечныя*.

Чтобы понять драмы семейныя, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторыя жены Владиміра были не только его женами, *но и матерями* его дѣтей.

Чтобы уразумѣть драмы сердечныя, нужно не забывать о широтѣ и пылкости натуры Владиміра. Между его женами могли быть особенно имъ любимыя, а если *могла быть*, то это еще важнѣе. А съ другой стороны не нужно забывать и того, что бракъ Владиміра *на 26-лѣтней* греческой царевнѣ, дотогѣ ему незнакомой, былъ бракомъ изъ политическихъ расчетовъ, къ которому царевна едва-ли имѣла какую либо склонность. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на отсутствіе свѣдѣній объ этой царевнѣ послѣ брака (отмѣчается только время ея кончины; кончина отмѣчается и Рогнѣды).

Исходя изъ указанной точки зрѣнія по вопросу о составителѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, какъ игуменѣ нашего монастыря Сильвестрѣ, сгруппируемъ отрывочныя свѣдѣнія о немъ, заключающіяся въ означенной Повѣсти.

Въ ней подъ 1065 годомъ читаемъ: „Бысть дѣтищъ ввержень в Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, *егоже позоровахомъ* до вечера, и паки ввергоша ѿ в воду; бяшетъ бо сиць: на лиціи ему срамнии удове, иного же нелзѣ казати срама ради“.

¹⁾ Ibid, стр. 162.

Рѣчка Сѣтомль или Сѣтомля (Ситомля), поясняетъ Е. Е. Голубинскій, текла подѣ Кіевомъ съ сѣверной ея стороны (см. Ипат. лѣтоп. подѣ 1150 г., 2 изд. стр. 280). „Такъ какъ это—продолжаетъ онъ—совсѣмъ за противоположнымъ краемъ отъ Печерскаго монастыря и весьма далеко отъ него; такъ какъ трудно предположить, чтобы монахи позволили себѣ такое неприличное занятіе, какъ цѣлый день глазѣть на дитя урода и притомъ урода какого-то еще весьма срамнаго (по крайней мѣрѣ тогдашніе монахи и Θεодосіева монастыря): то есть вся вѣроятность полагать, что указанный случай имѣлъ мѣсто когда лѣтописецъ былъ еще въ міру дитятей или юношей. Если мы примемъ это, то получимъ два біографическихкихъ данныхъ о лѣтописцѣ (=игуменѣ Сильвестрѣ): во первыхъ, что онъ былъ родомъ *изъ самаго Кіева*, во-вторыхъ, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь и поступилъ въ монашество когда *то пость 1065 года*“.

Разумѣется, выводы эти вполне естественны. Что касается времени поступленія лѣтописца (Сильвестра) въ Печерскую обитель, то оно приблизительно опредѣляется слѣдующими данными.

а) „Θеодосіеви—читаемъ въ лѣтописи—живущю в монастыри и правящую добродѣтельное житіе и чернечское правило, и принимающую всякого приходящаго к нему, *к нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріять мя мѣтъ ми сущу 17 отъ роженья моего*“.

б) Преподобный Θεодосій скончался *въ 1074 году*.

в) Лѣтописецъ былъ *ученикомъ* преп. Θεодосія (и азъ рабъ твой и *ученикъ*,—говоритъ онъ при обращеніи къ преподобному по перенесеніи его мощей), при томъ ученикомъ, надо полагать, особенно имъ любимымъ (съ особенною ревностію внимавшимъ его ученію), что явствуетъ изъ того, что въ 1091 году, когда рѣшено было перенести мощи преп. Θεодосія изъ пещеры, гдѣ онъ былъ погребенъ, въ Успенскую церковь,—нашему лѣтописцу игумену монастыря оказано было исключительное довѣріе: *съ нимъ только*, „не

свѣдущю никомуже“, игумень осматривалъ мѣсто погребенія Феодосія, *ему только* игумень поручилъ, *взявъ по своему усмотрѣнню* одного изъ братіи, раскрытіе („откапываніе“) могилы преподобнаго.

Въ 1096 году лѣтописецъ пребывалъ еще въ Печерской обители. Описывая вторичное въ этомъ году нападеніе Бояка на Кіевъ, въ частности на Печерскую обитель, онъ пишетъ: „*намъ сущимъ по кльямъ почивающимъ* по заутрени“... „*намъ же бѣжающимъ за домъ монастыря*“ и т. д.

Въ 1115 г. встрѣчаемъ первое упоминаніе о нашемъ лѣтописцѣ, какъ игуменѣ Выдубицкаго монастыря. Подъ этимъ годомъ составитель Ипатской лѣтописи, говоря о перенесеніи мощей свв. Бориса и Глѣба въ созданную князьями новую, каменную церковь, между прочими духовными лицами, участвовавшими при означенномъ торжествѣ, отмѣчаетъ, вслѣдъ за игуменомъ монастыря Печерскаго, *Сильвестра, „игумена святаго Михаила“*.

Къ слѣдующему 1116 году относится приведенная нами приписка Сильвестра подъ составленную имъ „Повѣстью временныхъ лѣтъ“. Припомнимъ и *подчеркнемъ*, что въ этой небольшой припискѣ допущенъ какъ бы нѣкій плеоназмъ. Сильвестръ *два раза* заявляетъ о своемъ игуменствѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ. „*Игумень Сильвестръ святаго Михаила написахъ книги си*“, „*мнѣ в то время* игуменящую у святаго Михаила“. Плеоназмъ этотъ можетъ находить оправданіе (объясненіе) въ томъ фактѣ, что „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, начатая Сильвестромъ въ бытность его инокомъ Печерской обители (о чемъ заявлено въ оглавленіи этого труда: „Повѣсть... *черноризца Феодосьева монастыря печерскаго*“, и что явствуетъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ самой Повѣсти), закончена была имъ уже въ званіи Выдубицкаго игумена.

Что касается вопроса, когда именно Сильвестръ вступилъ на Выдубицкое игуменство, то рѣшеніе его стоитъ въ тѣсной связи съ тѣми данными, которыя высказаны нами

выше въ трактаціи объ игуменѣ Лазарѣ. Считаая по указаннымъ даннымъ и соображеніямъ *наивѣроятнѣйшимъ*, что постановленный *12 ноября 1105 года* на переяславскую кафедру Лазарь, былъ упоминаемый въ лѣтописи подѣ 1088 г. Выдубицкій игумень *Лазарь*,—мы съ такою же высокою степени вѣроятностью его преемникомъ по игуменству считаемъ нашего Сильвестра.

Дальнѣйшее іерархическое движеніе Сильвестра было такое же, какъ и его предшественника по Выдубицкому игуменству Лазаря: по кончинѣ послѣдняго въ санѣ переяславскаго епископа, на означенную кафедру избранъ былъ Сильвестръ. „Въ лѣто 6626 (1118)—читаемъ въ лѣтописи—преставися епископъ блаженный Переяславскій Лазарь, мѣсяца сентября въ 16 день, и поставиша в него мѣсто Сильвестра, мѣсяца генваря въ 1 день (1119)“.

Отмѣчена въ лѣтописи и кончина Сильвестра.

„Въ лѣто 6631 (1123)—читаемъ здѣсь—преставися Сильвестръ епископъ Переяславскій блаженный, мѣсяца априля въ 12 день, в великій четвергъ“,—въ возрастѣ приблизительно *семидесятилѣтнемъ*.

4) **Адріанъ**. Былъ игуменомъ Выдубицкаго монастыря, неизвѣстно сколь продолжительное время, *до 1190 года*. Мы видѣли, что онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Рюрика Ростиславича, который имѣлъ его «отцемъ своимъ духовнымъ». Благодаря этому расположенію къ игумену патронированной имъ обители, Рюрикъ, владѣвшій въ то время Бѣлгородомъ, послѣ кончины епископа Максима († 1190 г.) предоставилъ бѣлгородскую кафедру Адріану („постави епископомъ отца своего духовнаго“ и проч.). Во время его святительства въ Бѣлгородѣ здѣсь создана была Рюрикомъ Ростиславичемъ величественная каменная церковь во имя святыхъ апостолъ (*„епископя Бѣлгородская“*), съ большимъ торжествомъ освященная въ декабрѣ 1197 года. Въ слѣдующемъ

(по *нашему* лѣтосчисленію) году, 1-го января, Адріанъ принималъ участіе въ освященіи другой каменной церкви, сооруженной означеннымъ княземъ,—церкви св. Василія на Новомъ дворѣ. Мы уже говорили, что Выдубицкая братія въ этомъ епископѣ, какъ бывшемъ своемъ игуменѣ, могла имѣть (и, безъ сомнѣнія, имѣла) могущественнаго ходатая предъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ по дѣлу о сооруженіи каменной подбережной стѣны для огражденія ихъ обители отъ бурныхъ днѣпровскихъ водъ.

б) **Моисей**. Вѣроятно вступилъ на игуменство непосредственно послѣ Адріана. Въ 1197 году онъ участвовалъ при освященіи упомянутой бѣлгородской церкви, сооруженной Рюрикомъ Ростиславичемъ. При немъ—какъ мы видѣли—воздвигнута въ Выдубицкой обители подбережная стѣна и онъ, при торжествѣ ея освященія, отъ имени бр-іи благодарилъ Рюрика Ростиславича за оказанное обители благодѣяніе. Судя по произнесенной имъ при этомъ рѣчи, былъ человѣкъ по тому времени съ широкимъ образованіемъ.

Мы выше, говоря о сооруженіи означенной стѣны, замѣтили, что запись объ этомъ событіи составлена была въ Выдубицкой обители.

Разумѣется, это сомнѣнію не подлежитъ. За это говорятъ содержаніе и характеръ записи, есть и прямое указаніе въ ней самой.

„Въ тоє (6607) лѣто—такъ начинается запись—благоволи Богъ, поновляя свою милость *о насъ* (т. е., *о Выдубицкихъ инокахъ*)“ и проч. Это признается и другими. Историкъ Соловьевъ, сдѣлавъ нѣсколько выдержекъ изъ означенной записи, говоритъ: „Здѣсь очевидецъ—и современникъ событія и *монахъ Выдубицкаго монастыря*“. „Но нельзя—продолжаетъ историкъ—рѣшить, *принадлежитъ ли ему и записываніе предыдущихъ событій* (лѣтопись оканчивается означенною записью), *или рассказъ о постройнн стѣны составляетъ отдѣльный памя-*

никъ и вставленъ въ лѣтопись какъ замѣчательное риторическое произведение¹⁾.

Что сказаніе о построеніи означенной стѣны могло появиться и въ видѣ отдѣльнаго памятника, какъ для поднесенія его прославляемому въ немъ князю, такъ и для широкаго распространенія его въ обществѣ (въ виду возникшаго интереса къ событію),—это весьма вѣроятно, даже на это есть почти прямое указаніе: „по обычаю ти благому (обращеніе къ князю) и нашея грубости писаніе прими, акы даръ словесенъ на похваление добродѣтелей“.

Но съ этимъ не будетъ стоять въ противорѣчій, а по многимъ соображеніямъ столь же вѣроятно, что сказаніе о сооруженіи стѣны занесено было въ лѣтопись (т. н. кievскую) въ *Выдубицкомъ же монастырѣ, въ числѣ иноковъ котораго въ данное время находился одинъ изъ послѣднихъ продолжателей означенной лѣтописи* (точнѣе, послѣдній: лѣтопись оканчивается упомянутымъ сказаніемъ). Былъ ли этимъ продолжателемъ (предполагать что естественнѣе) составитель сказанія о постройкѣ стѣны или другой инокъ—это вопросъ второстепенный, и наши дальнѣйшія, по возможности, краткія рѣчи будутъ имѣть въ виду уясненіе вопроса общаго: дѣйствительно ли, какъ при игуменѣ Сильвестрѣ и имъ же Сильвестромъ въ Выдубицкомъ монастырѣ законченъ былъ лѣтописный сводъ: „Повѣсть временныхъ лѣтъ“,—такъ при игуменѣ Моисей имъ или кѣмъ либо изъ современныхъ ему иноковъ законченъ другой лѣтописный сводъ—лѣтопись, именуемая *киевскою*?—

Къ положительному отвѣту на этотъ вопросъ склоняють слѣдующія данныя и соображенія.

1) Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что послѣднія десятилѣтія въ Кіевской лѣтописи описаны лицомъ монаше-

¹⁾ Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. Товар. Общ. Пользы, кн. 1, т. 3 Столб. 791.

ствуючимъ. Иноки, по мнѣнію сего лѣтописца, „избранное стадо Божіе“; ликъ монашескій—*чинъ ангельскій*“¹⁾. „Снабдѣніе чернцевъ“, „утѣшеніе“ ихъ, почетъ оказываемый игуменамъ, суть первенствующія (заслуживающія особой похвалы) добродѣтели²⁾. Не говоримъ уже о начитанности автора въ духовной литературѣ.

2) Не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что лѣтописецъ преисполненъ особеннаго интереса къ событіямъ семейной жизни и дѣяніямъ не только Рюрика Ростиславича, но и вообще Ростиславичей, при чемъ интересъ этотъ не можетъ быть объясняемъ одною обычною любовію кievлянъ къ роду Мономаха, но въ основѣ своей имѣетъ и другія причины, коренящіяся, полагаемъ, въ *установившихся въ это время близкихъ отношеніяхъ Рюрика къ Выдубицкой обители, или, точнѣе, къ ея представителямъ.*

Для уясненія сказаннаго обращаемся къ лѣтописи.

Въ ней читаемъ подь 1173 годомъ: „Въ ту же зиму выйде Рюрикъ из Новагорода.... Рюриковъ же идущю к Смоленську, а и бысть на Лучинѣ, верьбноѣ недѣлѣ въ пятокъ, солнцю възходящю, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеніи дѣдне имя Михайло, а княже Ростиславъ, дѣдне же имя; и бысть радость велика о роженіи его, и дасть ему отецъ его Лучинъ городъ, въ нѣмъ же родися, и поставиша въ томъ мѣстѣ церковь святаго Михаила, где се родилъ“.

Подь 1187-мъ: „Того же лѣта, с велика дни, посла князь Рюрикъ Глѣба князя шюрина своего с женою, Славна тысяцкого съ женою, Чюрыну с женою, иныи многи боярѣ с женами, ко Юрьевичю и к великому Всеволоду, в Суждаль, по Верхуславу за Ростислава, а на Боришь день отда Верхуславу дщерь свою великый князь Всеволодъ; и да по ней

1) Ипатск. Лѣтоп изд. 1871 г., стр. 472.

2) Ibid, стр. 376, 413, 418, 442, 471.

многое множество, бес числа злата и сребра; а сваты подари велики дары и с великою честью отпусти. Еха же по милое своей дочери до трехъ становъ, и плакася по ней отецъ и мати: занеже бѣ мила има и млада суци осми лѣтъ; и тако многи дары давъ и отпусти и в Русь, с великою любовью, за князя за Ростислава; посла же съ нею сестричича своего Якова с женою, и ины бояры с женами. Приведоша же ю въ Бѣльгородъ на Офросѣньинъ день, а заутра Бого- слова; а вѣнчана у святыхъ Апостолъ, у деревяной церкви, блаженнымъ епископомъ Максимомъ. Створи же Рюрикъ Ростиславу велми силну свадьбу, ако же несть бывала в Руси; и быша на свадьбѣ князи многи, за 20 князей. Сносѣ же своей далъ многи дары и городъ Брягинъ; Якова же свата и с бояры отпусти ко Всеволоду въ Суждаль, с великою честью и дары многими одаривъ“.

Подъ 1198 годомъ: „Того же лѣта, на зиму, родися дщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя Ефросѣнья, и прозваниемъ Изморагдъ, еже наречеться дорогой камень, и *бысть радость велика во градъ Киевъ и в Вышегородъ*; прнеха Мъстиславъ Мъстиславичъ и тетка еп Передъ слава, и *взята ю къ дяду и бабъ*, и тако воспитана бысть в Киевѣ на Горахъ“.

Въ этихъ сказаніяхъ лѣтописецъ какъ бы заслоняется личностью князя Рюрика Ростиславича (говоритъ какъ бы его устами). Послѣдній является преисполненнымъ нѣжной отеческой любви къ своему сыну—первенцу, отмѣчаетъ съ точностію время его появленія въ свѣтъ (въ такой то день „солнцу восходящю“), ознаменовываетъ это событіе устройеніемъ въ Лучинѣ (мѣстѣ рожденія) церкви въ честь его Ангела; затѣмъ, даже не приспѣвшу времени, спѣшитъ найти любимому сыну подругу жизни, обставляетъ сватовство особенною торжественностію, устраиваетъ такой свадебный пиръ, котораго (якобы) дотолѣ и не бывало на Руси, щедро надѣляетъ новобрачныхъ, чтитъ многими дарами свата и пріѣхав-

шихъ съ нимъ боярь; наконецъ, когда у сына рождается первое дитя—дочь, она называется драгоцѣннымъ камнемъ (Измарагдомъ), событіе это вызываетъ (якобы) всеобщую великую радость въ Кіевѣ и Вышгородѣ, новорожденная берется „дѣдомъ и бабою“ (т. е. Рюрикомъ съ женою) въ Кіевъ и здѣсь воспитывается на „Горахъ“.

Разумѣется, нѣжныя чувства отцовъ къ дѣтямъ, особенно къ сыновьямъ-первенцамъ, явленіе вполне естественное и обычное и, безъ сомнѣнія, такія чувства къ своимъ дѣтямъ питали и другіе князья, которые съ такимъ же или подобнымъ торжествомъ устраивали по случаю ихъ браковъ свадебныя пиры, такъ же горячо любили своихъ внуковъ и внучекъ, и т. п.

Но все это радости и событія семейныя, подробности о *которыхъ въ томъ видѣ и въ такомъ освѣщеніи*, какъ указано выше, возможны въ устахъ лѣтописца только *при особенно близкихъ отношеніяхъ къ тому или иному князю, возможны только если лѣтописецъ исполненъ особаго интереса къ роду этого князя.*

Имѣя въ виду сказанное нами объ отношеніяхъ къ Выдубицкому монастырю Рюрика Ростиславича, *духовнымъ отцомъ* котораго былъ игумень сей обители Адрианъ, впоследствии взятый имъ на епископію въ Бѣлгородъ; зная какое благодѣяніе оказано было означеннымъ княземъ Выдубицкой братіи, которая—по выраженію тогдашняго его игумена Моисея—*не находила словъ возблагодарить князя за это благодѣяніе*; признавая не подлежащимъ сомнѣнію, что сказаніе о построеніи Рюрикомъ Ростиславичемъ подбережной стѣны въ Выдубицкомъ монастырѣ составлено въ сей обители *выдубицкимъ инокомъ*; видя, что это сказаніе составляетъ *конечную часть* кіевской лѣтописи,—принимая во вниманіе все это, въ совокупности взятое, не имѣемъ ли мы надежнаго ключа къ уразумѣнію того, кто былъ составитель означеннаго лѣтописнаго свода *за десятилѣтія, предшествовавшія включенію въ него записи о стѣнѣ?*

Идемъ далѣе.

Всѣхъ Ростиславичей—братъевъ (сыновой Ростислава Мстиславича) было пять: нашъ *Рюрикъ*, старѣйшій его братъ *Романъ* († 1180) и младшіе: *Давидъ* († 1197), *Святославъ* († 1172) и *Мстиславъ* († 1178).

Всѣ они, за исключеніемъ Рюрика (какъ видно изъ вышеуказаннаго), скончались еще во время составленія Кіевской лѣтописи, и *о всѣхъ* ихъ лѣтописецъ считаетъ какъ бы своею обязанностию высказать свое мнѣніе, охарактеризовать ихъ.

Приводимъ эти характеристики въ хронологической послѣдовательности.

а) „Томъ же (1172) лѣтъ преставися князь *Святославъ Ростиславичъ*... Ся же благовѣрный князь... бѣ украшенъ всякою добродѣтелью, и бяше храборъ на рати, и любовь имяше ко всемъ; паче же милостыни прилежае, и манастиры набдя и черныцѣ утѣшевая и мирскія церкви набдя и попы, и весь святительскій чинъ достойною честью чтяше; имѣяше дружину въ чести, и имѣнья не щадяше, не собираше злата и сребра, но давае дружинѣ, ово же правяше души своей; приложися къ отцемъ, отдавъ общій долгъ его же нѣсть убѣжати всякому роженому“.

б) „Преставижеся князь *Мстиславъ, сынъ Ростиславъ*, внукъ великаго князя Мстислава, мѣсяца июня въ 13 (в мѣто 6686 = 1178)... Сій же благовѣрный князь... върастомъ середній бѣ и лицемъ лѣпъ, и всею добродѣтелью украшенъ и благонаравенъ, и любовь имяше ко всемъ, паче же милостыни прилежае, манастиръ набдя, черныцѣ утѣшивая, и всѣ игумены утѣшивая, и с любовью принимая и взимая у нихъ благословленіе, и мирскія церкви набдя, и попы и весь святительскій чинъ достойною честью чества; бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тосняшетеся умерети за Рускую землю и за хрестьяны; егда бо видяше хрестьяны полонены отъ поганыхъ, и тако молвяше дружинѣ своей: „браты! Ничто же

имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистився грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнить кровь нашу с мученики; аже ли Богъ дастъ милость свою, а слава Богу; мы бо аще нынѣ умремъ, умремъ же всяко“,—и тако молвя, дѣрзость подаваше во емъ своимъ, и тако отъ всего сердца бѣяшеться за отчину свою; бѣ бо любезнигъ на дружину, и имѣния не щадяшеть и не собирашеть злата и сребра, но даяше дружинѣ своей, ово же правяше души своей; и приложися ко отцемъ своимъ и дѣдомъ своимъ, отдавъ общій долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому; не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться на великия дѣла; но преставися унъ и плакашеться по немъ вся земля Руская, не може забыти доблести его, и Чернии клобуци вси не могутъ забыти приголубления его“.

в) Отмѣтивъ подѣ 1180 годомъ кончину *Романа Ростиславича* (безъ обозначенія дня) лѣтописецъ пишеть: „Сий же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ, и всею добродѣтелью украшенъ, смиренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всемъ и к брати своей истинную, не лицемерную, страха Божия наполненъ, нищая милуя, монастырѣ набдя; и созда церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строеньемъ церковнымъ, и иконы златомъ и финиптомъ украшены, память здѣлая роду своему, паче же и души своей оставление грѣховъ прося; и приложися к дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому“.

г) „В лѣто 6705 (1197). Преставися благовѣрный князь Смоленскій *Давыдъ, сынъ Ростиславъ*; внукъ же великаго князя Мѣстислава, примъ мнишескій чинъ. мѣсяца априля въ 23, на память святаго мученика Георгія Сей же благовѣрный князь Давыдъ возрастомъ бѣ середний, образомъ лѣпъ, всею добродѣтелью украшенъ, благонравенъ,

христілюбивъ, любовъ имѣя ко всимъ, ово же правяшеть души своей; и переже милостыни прележашеть, монастыри набдя, и черьнци утѣшивая, и вси игумены с любовью принимая и взимая у нихъ благословеніе, и мирскыя церкви набдя и весь святительскый чинъ достойною честью чества; бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тосняшеться на великия дѣла, злата и сребра не собираеть, но даеть дружинѣ, бѣ бо любя дружину, и злыя кажня, якоже подобаеть царемъ творити. Самъ бо сякой обычай имѣеть: по вся дни ходя ко церкви святаго Архистратига Божия Михаила, юже бѣ самъ себя создалъ во княженъи своемъ, такое же нѣсть въ полунощной странѣ“... и пр.

Разумѣется, не подлежить сомнѣнію, что къ разсматриваемому времени въ средѣ монашеской (гдѣ сосредоточивалось, преимущественно, тогдашнее просвѣщеніе) образовалась устойчивая литературная школа съ извѣстнымъ направленіемъ, съ опредѣленными литературными приѣмами, такъ что индивидуальныя черты того или иного писателя иногда трудно уловимы. Въ частности сильно понатерта была рука монашествующихъ и при отзывахъ прославляемыхъ ими лицъ, которымъ обычно усвоились въ монашеской средѣ идеалы добродѣтели. Отсюда, за рѣдкими исключеніями,—шаблонность подобныхъ отзывовъ (лѣтописныхъ характеристикъ). Но и имѣя въ виду сказанное, нельзя не усматривать въ приведенныхъ нами характеристикахъ нѣкоторыхъ особенностей (особенностей самой шаблонности), склоняющихъ признать ихъ произведеніемъ одного лица.

Для внимательныхъ читателей дальнѣйшія разъясненія относительно этого излишни ¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ любопытную черту въ послѣднемъ отзывѣ—характеристикѣ, получающую особенный интересъ (интересъ обще-историческій) въ сопоставленіи ея съ однимъ мѣстомъ въ извѣстной намъ рѣчи выдубицкаго игумена Моисея.

Дѣлая характеристику Давида Ростиславича (подъ 1197 г.) лѣтописецъ говорить: „бѣ бо любя дружину, а злыя кажня, якоже подобаеть

При этомъ нужно имѣть въ виду, что и другія мѣста въ южно-русскомъ лѣтописномъ сводѣ (за послѣднія десятилѣтія), гдѣ идутъ рѣчи о Ростиславичахъ, проникнуты расположеніемъ къ нимъ, въ особенности къ Рюрику Ростиславичу, причемъ расположеніе это исключительное, выражающееся не только въ приподнятыхъ изъясненіяхъ радости по поводу удачъ любимаго князя, но и *въ своеобразномъ объясненіи неудачъ*, и даже въ *смягченномъ*, съ дѣйствительностью несогласномъ освѣщеніи нѣкоторыхъ фактовъ изъ его жизни.

Приведемъ по одному примѣру на каждый изъ указанныхъ случаевъ.

а) Описывая подъ 1194 году вступленіе на Кіевскій столъ Рюрика Ростиславича, лѣтописецъ говоритъ: „И поѣха Рюрикъ Кыеву; изидоша противу ему, со кресты, митрополить, игумени вси, и Кляни вси отъ мала и до велика, с радостью великою. Рюрикъ же вшедь во святую Софью и поклонися святому Спасу и святѣй Богородицѣ, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, *славою и съ честью великою; и обрадовася вся Русская земля о князєни Рюриковѣ*, Кляне и крестьяни и погани, зане всѣхъ приимаше къ собѣ с любовію, и крестьяны и поганья и не отгоняше никого же“.

б) Подъ 6685 (1177) годомъ, упомянувъ о распрѣ межъ братьею (Ростиславичами) и побѣдѣ, одержанной надъ ними половцами, лѣтописецъ замѣчаетъ: „И се Богъ попусти казнь на ны поганья, а не аки млуя ихъ, но насъ кажа, обращая ны к покаянію, да быхомся встягнули отъ злыхъ дѣлъ; и симъ казнить ны нахоженіемъ поганыхъ: се бо есть батогъ его, да некли смѣрившєся вѣспомянемся отъ злаго пути. *То смѣшавши Омовичи, Всеволодичъ Святославъ, обрадовашася, яко не вѣдуще Божєя казни*“.

царемъ творити“. Въ рѣчи игумена Моисея къ Рюрику Ростиславичу, между прочимъ, значится: „Здѣ же проболѣ намъ того о тобѣ является: словеса бо честна и дѣла боголюбна, и *держава самовластна*“.

в) Въ 6682 (1174) году Рюрикъ Ростиславичъ, княжившій у Новгородцевъ, долженъ быть спастись отъ нихъ бѣгствомъ „*Выбъже* Рюрикъ изъ Новгорода“, читается объ этомъ въ Суздальскомъ лѣтописномъ сводѣ подъ означеннымъ годомъ. „Въ ту же зиму *выйде* Рюрикъ изъ Новгорода“,—читаемъ у нашего лѣтописца.

Тотъ фактъ, что южно-русскій лѣтописный сводъ за послѣднія десятилѣтія составлялся на основаніи источниковъ, благопріятствующихъ Ростиславичамъ, сомнѣнію не можетъ подвергаться и не подвергается. „Изъ внимательнаго перебора извѣстій этого свода за послѣдній періодъ,—говоритъ Вестужевъ-Рюминъ,—мы должны убѣдиться, что большая часть ихъ принадлежитъ источнику благопріятному роду Смоленскихъ князей (Ростиславичей) и касающемуся этого рода во всѣхъ его членахъ, сидѣли ли они въ Кіевѣ или не сидѣли“. Этотъ фактъ наводитъ Вестужева-Рюмина на мысль „объ особенныхъ лѣтописяхъ, веденныхъ при княжескихъ дворахъ, или въ монастыряхъ извѣстнаго княжескаго рода“.—Но почтенный историкъ, при развитіи своей мысли, остановился на подорогѣ, упустивъ изъ вида тѣ особенныя отношенія къ Выдубицкой обители, въ какихъ находился къ ней наиболѣе прославляемый въ разсматриваемой лѣтописи Ростиславичъ. Между тѣмъ эти отношенія, въ связи съ другими, указанными нами данными, настойчиво склоняютъ къ заключенію, что южно-русскій лѣтописный сводъ законченъ былъ именно въ Кіево-Выдубицкой обители.

Сложнѣе вопросъ, гдѣ (въ Выдубицкомъ монастырѣ или же въ другихъ мѣстахъ) составлялись остальные части упомянутаго свода. Но о своихъ соображеніяхъ по сему вопросу мы находимъ болѣе удобнымъ поговорить особо ¹⁾.

¹⁾ Именно при изданіи своего изслѣдованія о Выдубицкомъ монастырѣ отдѣльно книгою—въ *приложеніяхъ* къ 1-ой главѣ.

б) **Михаиль**. Упоминается въ лѣтописи подъ 1231 годомъ, какъ принимавшій участіе въ церковномъ торжествѣ при посвященіи въ ростовскіе епископы Кирилла 1).

Отмѣтимъ, въ заключеніе, тѣ очень немногія фактическія данныя изъ лѣтописи и другихъ источниковъ, которыя имѣють то или иное отношеніе къ Выдубицкому монастырю, присовокупивъ къ нимъ соотвѣтствующіе комментаріи.

а) Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 1051 годомъ, лѣтописецъ, сказавъ, что преп. Θεодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ студійскій уставъ (обрѣтенный имъ отъ пришедшаго изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ „Михаила“, „чернца монастыря Студійскаго“),— продолжаетъ: „отъ того же (печерскаго) монастыря переша *вси монастырезе* уставъ; тѣмъже почтенъ есть монастырь Печерьскій старей всѣхъ“ 2).

Между означенными монастырями, принявшими чрезъ указанное посредство, студійскій уставъ, на первомъ планѣ долженъ быть поставляемъ нашъ Выдубицкій, уже независимо отъ другихъ соображеній, потому, что игумень сего монастыря *Софроній*, будучи *современникомъ* препод. Θεодосія, считалъ къ нему *особенное почитаніе* (о чемъ упомянуто выше)

б) Въ лѣтописи читаемъ:

подъ 1072 годомъ — „Пренесоша святая стратотерпця Бориса и Глѣба. Совокупившеся Ярославичі, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, митрополитъ, иже тогда бѣ, Георги, епископъ Петръ Переяславскій, Михаиль Гургевскій 3), Θεодосій же игумень Печерьскій, *Софроній святаго Михаила игумень*, Германъ игумень святаго Спаса, Никола игумень Пе-

1) Лѣтопись по Лавр. списку, изд. 3, стр. 434,

2) *Ibid.*; стр. 156.

3) Михаиль Гургевскій въ спискахъ Радзивиловскомъ и Московской Дух. Академіи; въ Лаврентьевскомъ—нѣтъ.

реяславський, и вси игумени, и сотвориши праздникъ“ и проч. ¹⁾.

Подъ 1115 годомъ: „Съвѣкупишася братья Русции князи... и судумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има камяну, на похвалу и честь телесема ею и на положеніе... И бысть сборъ великъ, спешюся народу съ всихъ странъ, Митрополитъ Микифоръ съ всеми епископы... (перечисляются) ...и съ игумены, с Прохоромъ Печерскимъ, и съ *Селивестромъ Святаго Михаила*, и Сава святаго Спаса, и Григорій святаго Андрѣя, Петръ Кловський, и прочии игумени, освятиша церковь каменую“... и проч. ²⁾.

Подъ 1197 годомъ: „Тогда же (послѣ освященія Бѣлгородской церкви во имя св. Апостоль) князь (Рюрикъ Ростиславичъ) съ единомысленою княгинею и богонабдимыми дѣтми созва духовный тый пиръ, епископа Андрѣяна Юрьевскаго епископа, и архимандрита Василья Печерскаго игумена, *Моисья игумена святаго Михаила Выдобычского*, и прочи игумени и черноризци и прозвутеры, и весь священницкый чинъ“... и проч. ³⁾.

Подъ 1231 годомъ: „Поставленъ бысть Кирилъ епископомъ („Ростову и Ярославлю и Угличю полю“) мѣсяца апріля в 6 день... священъ же бысть пресвященымъ митрополитомъ Кириломъ и съ окрестными епископы... (перечисляются)... и (при этомъ были) игумени мнози, и архимандритъ святаго Богородица монастыря Печерскаго Анкюдинъ, *игумень Михайло Выдобытський*, и игумень Петръ Спасьскый, Семень Андрѣевський, Корнилъ Феодоровський, Афанасій Васильевський, Семень Въскресеньскый, Климентъ Куриловський, а отъ Чернигова Иоанъ игумень Мученичський“ и проч. ⁴⁾.

¹⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, изд. 3, стр. 176.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г. 201.

³⁾ Ibid, стр. 473--474.

⁴⁾ Лѣтоп. по Лавр. списку, изд. 3, стр. 434.

Вышеприведенныя выдержки изъ лѣтописей ясно свидѣтельствуяють о томъ, какое *почетное* мѣсто, въ ряду другихъ кievскихъ обителей, занималъ въ разсматриваемое время (періодъ до-монгольскій) монастырь Выдубицкiй. После знаменитой Печерской обители ему принадлежало *первое мѣсто*, ибо не можетъ подлежать сомнѣнію, что усвоенный лѣтописцами обычай при перечнѣ настоятелей кievскихъ монастырей на первомъ мѣстѣ ставить настоятелей (игуменовъ и архимандритовъ) Печерскаго монастыря, а затѣмъ, *непосредственно* за ними игуменовъ выдубицкихъ, есть *не случайность*, а явленіе систематическое, *вполнѣ соответствующее* *оубствительности*, т. е. тому значенію и почету, какими пользовался въ данное время нашъ монастырь. И есть всѣ вѣроятія полагать, что такимъ почетомъ Выдубицкiй монастырь пользовался не потому только, что былъ подъ патронатомъ княжескаго рода (ибо подъ такимъ патронатомъ были многіе монастыри, настоятели которыхъ однако при указанныхъ перечняхъ не всегда даже упоминаются), а и по другимъ болѣе реальнымъ основаніямъ, въ ряду которыхъ могла имѣть мѣсто и древность нашего монастыря, — при этомъ слѣдуетъ отмѣтить и сильно подчеркнуть, что съ этого еще времени, т. е., въ домонгольскій періодъ, *на архистратига Михаила, небеснаго покровителя Кіево-Выдубицкой обители*, лѣтописцы начинаютъ смотрѣть и *какъ на покровителя Кіева и кievскихъ князей* (по крайней мѣрѣ Мономаховичей). Это усматривается изъ слѣдующихъ мѣстъ Ипатской лѣтописи. Въ 1126 году Ярополкъ „призва имя Божіе и отца своего“ вступилъ въ битву съ половцами, „и сразившемася полкома, побѣдени бывше погани, силою честнаго креста и **Святымъ Михаиломъ**“ (Лѣт. по Ипат. списку, изд. 1871 г. стр. 209). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, подъ 1146 годомъ, читаемъ: „Се же есть побѣда (побѣда Изяслава Мстиславича) пособьемъ Божиимъ, и силою честнаго креста, и **заступленіемъ святаго Михаила**, и молитвами святой Богородицы“ (ibid. стр. 233).

Въ виду сказаннаго слѣдуетъ съ довѣріемъ относиться къ тѣмъ *позднѣйшимъ* документальнымъ даннымъ, которыя надѣленіе Выдубицкой обители нѣкоторыми земельными угодьями, около или недалеко отъ нея лежащими (надѣленіе кievскими князьями), относятъ ко времени до-монгольскому.

Мы имѣемъ въ виду слѣдующіе находящіеся въ архивѣ Кіево-Выдубицкаго монастыря документы (въ копіяхъ):

1) Грамоту польскаго короля Сигизмунда 1, данную (26 апрѣля 1538 г.) Выдубицкому монастырю, гдѣ, между прочимъ, говорится: „билъ намъ челомъ игумень монастыря святого Архангела Михаила Выдубицкаго Ефремъ и поведилъ предъ нами, што дей *великій князь Рускіи з вekomъ придали имень Осокорское, землю за ркою Днeпромъ, прамъ церкви монастыря того, зъ островомъ Николаевымъ и з иными островами, при ней лежащими*“... „Выдубицкому монастырю“ и проч. (просьба объ подтвержденіи права на владѣніе).

и 2) Грамоту того же короля и тому же игумену отъ 5 марта 1541 года, гдѣ читаемъ: „билъ намъ чоломъ... игумень Ефремъ и поведилъ предъ нами, ижъ што *великій князь Рускіи, на тотъ монастырь святого Архангела Михаила з вѣковъ надали селище на имя Багрѣново, въ поветъ Кіевскомъ, въ миліи доброй атъ замку кіевскаго надъ ркою Днѣпромъ и потокомъ Любкою, то пакъ предки наши Государи королѣ Польскіи селище то Багрѣново къ монастыру тому той церкви Архангела Михаила Выдубицкаго подтвердили, и были на то листы, привилеи и твердості старіе предковъ нашихъ князей рускихъ и королей Польскихъ, которіи селище то Багрѣново и инии именя многи и селя церкви той святого Михаила надали*“ 1).

Кіево-Выдубицкій монастырь.
1906 г. іюнь—ноябрь.

¹⁾ Настоящій отрывокъ изъ изслѣдованія о Кіево-Выдубицкомъ монастырѣ напечатанъ съ нѣкоторыми сокращеніями, — именно (кроме нѣсколькихъ цитатъ) опущены *приложенія*, гдѣ ведутся рѣчи о сооруженной в. к. Всеволодомъ церкви (требующія иллюстраціи рисунками) и о послѣднихъ изслѣдованіяхъ относительно нашей первоначальной лѣтописи.

